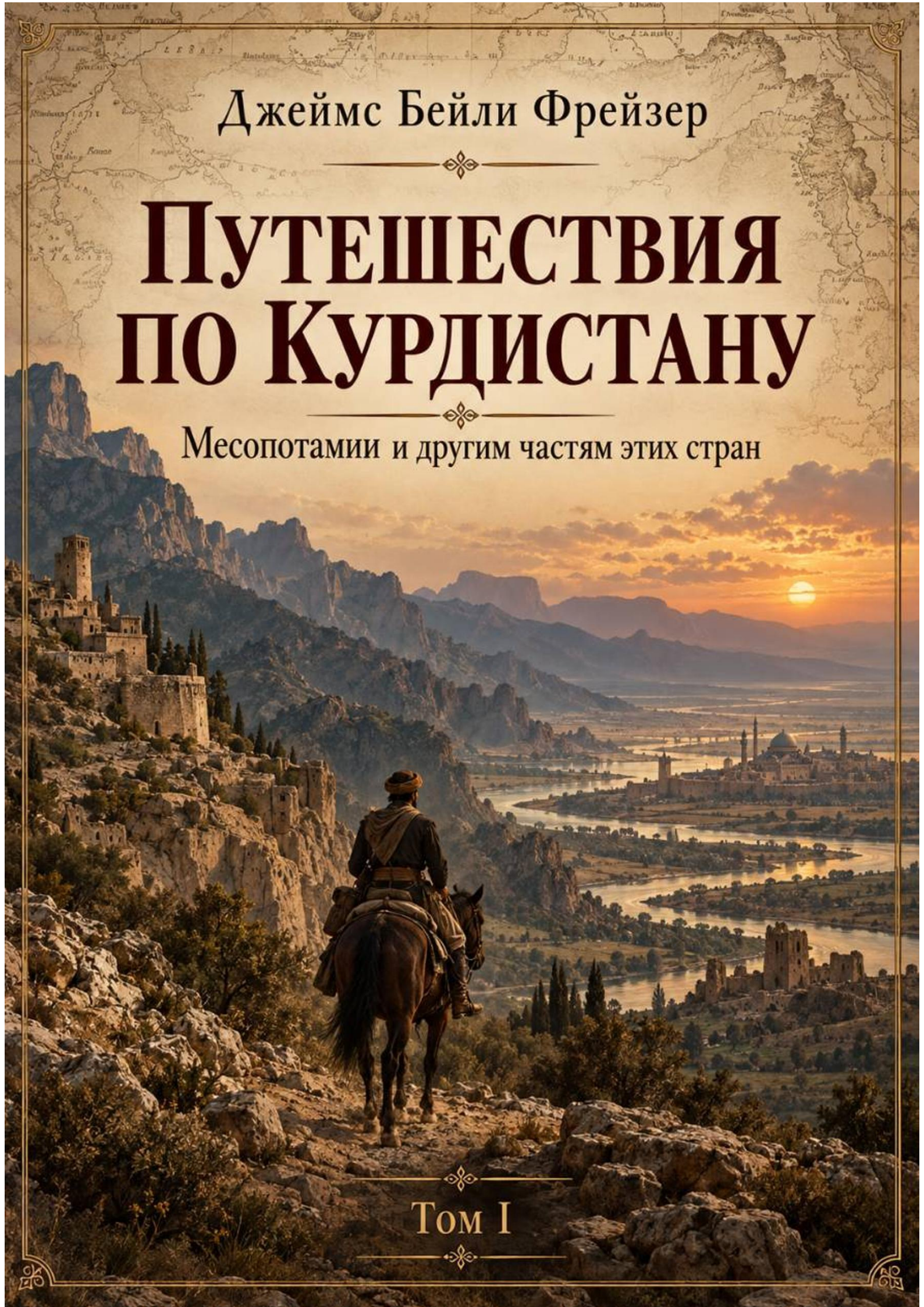

Джеймс Бейли Фрейзер

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КУРДИСТАНУ

Месопотамии и другим частям этих стран

Том I

Дж. Бейли Фрейзер

**Путешествия по
Курдистану, Месопотамии
и другим странам. Том I**

«Автор»

2026

Фрейзер Д.

Путешествия по Курдистану, Месопотамии и другим странам. Том I / Д. Фрейзер — «Автор», 2026

В первом томе «Путешествий по Курдистану» британский путешественник Джеймс Бейли Фрейзер описывает своё путешествие 1834 года через Персию, Курдистан и Месопотамию. Покинув Тебриз, он пересекает горные перевалы, посещает Урмию, Ушну, Сулейманию и достигает Багдада. Перед читателем предстаёт мир курдских племён с их традициями, воинственными вождями, кровной местью и законами гостеприимства. Фрейзер знакомится с местными правителями, сталкивается с опасностями и наблюдает жизнь народов, малоизвестных европейцам. Значительная часть повествования посвящена Багдаду: его населению, обычаям, религиозным общинам, разрушительной эпидемии чумы, наводнению и политической борьбе. Особое место занимают рассказы об арабских племенах, их вооружённых столкновениях и кочевом быте. Автор заметок Дж. Бейли Фрейзер, Автор перевода Д.В. Ткаченко. 2026 г. Москва Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищён авторским правом.

© Фрейзер Д., 2026

© Автор, 2026

Дж. Бейли Фрейзер
Путешествия по Курдистану,
Месопотамии и другим странам. Том I
ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КУРДИСТАНУ, МЕСОПОТАМИИ И ДРУГИМ СТРА-
НАМ,
ВКЛЮЧАЮЩИЕ ОПИСАНИЕ ЧАСТЕЙ ЭТИХ ЗЕМЕЛЬ, ДОСЕЛЕ НЕ ПОСЕЩАВ-
ШИХСЯ ЕВРОПЕЙЦАМИ,
С ОЧЕРКАМИ ХАРАКТЕРА И НРАВОВ КУРДСКИХ И АРАБСКИХ ПЛЕМЁН.
ДЖ. БЕЙЛИ ФРЕЙЗЕР, ЭСКВАЙР,
АВТОР «КЫЗЫЛБАША», «ЗИМНЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ В ПЕРСИЮ» И ДРУГИХ
СОЧИНЕНИЙ.
В ДВУХ ТОМАХ.
ТОМ I.
ЛОНДОН:

РИЧАРД БЕНТЛИ, НЬЮ-БЕРЛИНГТОН-СТРИТ,

ПРИДВОРНЫЙ ИЗДАТЕЛЬ ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА.

1840.

ЛОНДОН:

Напечатано Сэмюэлом Бентли,

Бангор-хаус, Шу-лейн.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОГО ТОМА
ПИСЬМО I

Причины продолжительного пребывания. — Здоровый климат Тебриза. — Его окрестности и облик. — Сады. — Плоды. — Яйлагы. — Благосостояние. — Его причины. — Торговля. — Мохаммед-мирза. — Его двор. — Причины его унылого состояния. — Каймакам. — Его характер и власть. — Посещение его превосходительства. — Изменения в нашем обществе. — Посещение наследного принца. — Скорая расправа. Страница 1.

ПИСЬМО II

Размышления о путешествиях и приготовления. — Обед у каймакама. — Подробности устройства для гостей. — Привычки государственного министра. — Испытание ракет. — Отъезд из Тебриза. — Диза-Халиль. — Тасудж. Страница 27.

ПИСЬМО III

Сельмас. — Русская политика. — Кара-Кишлак. — Шаловливые девушки. — Керимабад. — Урмийская равнина. — Усовершенствования в земледелии. — Въезд в город. — Наджаф-Кули-хан. — Дворец и красивая комната. — Город Урмия. — Укреплённые дома. — Армянская церковь. — Христиане-несториане и их страна. — Курды Хаккяри. — Другие племена. — Мир Ревандуза. — Путешествие доктора Росса к этому вождю. — Разница между

турецкими и курдскими деревнями. — Думдум. — Ревандуз. — Характер жителей. — Одежда. — Нравы. — Слепота старого мира. — Братья мира. — Суеверия. — Негостеприимство. — Свирепость и храбрость. — Законы и правосудие мира. — Скорая кара. — Войско в походе. — Взятие Акры. — Покорность Амадии. — Доктор Росс отправляется в лагерь мира. — Его наружность и беседа. — Его лагерь. — Доктор Росс возвращается в Багдад. — Характер мира. — Размышления о дальнейшем пути. Страница 46.

ПИСЬМО IV

Отъезд из Урмии. — Курдский костюм и оружие. — Дашт-и-Биль. — Неприятные встречные. — Курдские горы. — Равнина Ушну. — Самад-хан и его хозяйство. — Древность курдов, сравнение с шотландскими горскими кланами. — Состояние страны. — Разочарование. — Ушну. — Обезлюдение. — Буйволы. — Курды верхом. — Рыбная ловля. — Новый способ ловли перепелов. — Отъезд из Ушну. — Кровная вражда. — Сеиды Сугертла. — Переговоры об охранной грамоте. — Удачная ловля рыбы. — Курды на молитве. — Карапахахи и курды-бильбасы. — Угрожающий вид. — Дрофы. — Грубый приём. — Отступление в караван-сарай. — Гостеприимный курд. — Разочарование. — Рыболовные приключения. Страница 84.

ПИСЬМО V

Прибытие хана. — Его родословная. — Изменившееся положение курдов. — Чрезмерные налоги. — Всеобщая потасовка и лакомый кусочек. — Мои хозяева. — Домашние нравы курдов. — Знатные люди. — Дамы. — Расхождения в рассказах. — Отъезд из Сауджбулага. — Бирим. — Упрямство стражников. — Хасан-ага. — Вид страны. — Перевал Сунас и спуск. — Нишан. — Вечерняя деревенская трапеза и обычай. — Вид гор и поездка в Сердешт. — Абдул-Самад-хан. — Недостаток зерна. — Великолепные виды. — Подъём на Хумиль. — Переправа вброд через Аксу. — Акурта. — Ночлег под открытым небом. — Осенние краски. — Кладбища. — Назар-керде. — Курдские суеверия. — Сулейманийская равнина. — Город. — Наше жильё. Страница 110.

ПИСЬМО VI

Судьба Сулеймании. — Положение паши. — Разговор с ним. — Сеиды, неуязвимые для огня. — Город. — Кладбища. — Вдова. — Прощание с пашой. — Ещё одно разочарование. — Шехризор. — Сартип-хан. — Курдский проводник. — Переход через горы. — Карадаг. — Евреи. — Недостаток образных суеверий у курдов. — Объяснение назар-керде. — Племена джаф и хамаванд. — Дербенд перевала Суграма. — Первый взгляд на Ассирию. — Джалала. — Карлик. — Мандали. — Каменистая страна. — Прекрасный дуб. — Селим-ага. — Курдские вожди. — Ассирийская империя. — Истам-ага. — Общие черты курдов. — Кифри. — Перемена не только людей, но и нравов. Страница 147.

ПИСЬМО VII

Каратепе. — Тревога. — Холмы Хамрин. — Адинакеви и Джунгир-ага. — Арабские проводники и стоянки. — Беспокойство. — Следы бывшего благосостояния. — Дели-Аббас. — Пустынные куропатки. — Багдадская равнина. — Неприятные известия. — Багдад в осаде. — Задержка у ворот. — Прибытие в резиденцию. Страница 196.

ПИСЬМО VIII

Прелести отдыха. — Первые впечатления от Багдада. — Стены. — Улицы. — Дома. — Река и её берега. — Базары и рынки. — Букингем. — Описательная выдержка из его сочинения. — Мечети и минареты. — Частные дома. — Домашние сцены и нравы. — Турецкие женщины. — Наружность. — Обычай татуировать кожу. — Грузинки и трудности воспитания их детей. — Население Багдада. — Одежда во времена Дауд-паши. — Военные. — Базары. — Харчевни. — Апатия турецких купцов. — Арабы и их одежда. — Громкая речь. — Шумы Багдада. Страница 210.

ПИСЬМО IX

Причины нынешнего разорения Багдада. — Появление чумы в городе и её распространение. — Резидент покидает Багдад. — Мистер Гровс отказывается его сопровождать. — Дальнейшее распространение мора. — Вода прорывает стену и затопляет город. — Семь тысяч домов обрушиваются одновременно, пятнадцать тысяч человек оказываются погребёнными. — Бедственное положение паши. — Караваны, застигнутые наводнением. — Вода спадает, как и болезнь. — Семья мистера Гровса поражена чумой, погибают его жена и ребёнок. — Примеры массовой смертности и её причины. — Последствия мора в других местах. — Багдад после чумы. — Ещё две чумы за столько же лет. — Смертность в Басре. Страница 233.

ПИСЬМО X

Политические последствия чумы. — Недовольство Порты Дауд-пашой. — Капыджи и фирманы. — Даниш-эфенди убит по приказу паши. — Страхи паши. — Али назначен пашой Багдада. — Осада города. — Паша сдаётся. — Город предательски отдают противнику. — Дауд отправлен в Константинополь. — Меры Али. — Убийство грузин и Салех-бека. — Характер правления Али-паши. Страница 255.

ПИСЬМО XI

Вид города внутри и вне стен. — Политика паши. — Арабы-джерба окружают город и отступают. — Призваны арабы-анайза, паша их отпускает. — Они отказываются уходить и обкладывают город. — Сражение между войсками паши и его союзников и анайза, первые разбиты, шейх джерба убит. — Всё окрестное население укрывается за стенами. — Белые ослы и чёрные рабы. — Женские костюмы и покои. — Драгоценности. — Занятия. — Визиты. — Голоса. — Общее поведение и характер. Страница 268.

ПИСЬМО XII

Посещение паши и его наружность. — Убийства. — Кая и его чиновники. — Требования подарков со стороны слуг. — Легковерие паши в вопросе превращения металлов. — Ловкий адепт и удачный опыт. — Дервиши и три их разряда: монастырские, местные и странствующие. — История Мамун-аль-Мустафы. — Посещение неуязвимых дервишей. — Их хитрости и обманы. — Посещение святыни шейха Абдул-Кадира. — «Альзасия» Багдада. — Накиб и святыня. — Римско-католическая церковь и викарий. Страница 289.

ПИСЬМО XIII

Город окружён племенем анайза. — Все путешественники подвергаются грабежу. — Беспокойное состояние святынь и убежищ и его причины. — Бесчинства йериммасов. — Смерть персидского шаха. — Вследствие этого дороги небезопасны. — Слухи. — Ссора с агейлями. — История агейлей и их поселение в Багдаде. — Паша требует от них оставить город. — Они отказываются. — Племя собирается. — Мост разрушают, и начинается стрельба через реку. — Разные сообщения. — Продолжение боя. — Просьба предоставить лодку резидента, турки собираются в неё и тем самым навлекают огонь на резиденцию. — Лодку наконец перевозят через реку. — Войска высаживаются. — Бросок через мост. — Смятение и грабёж. — Наступает ночь. — Слухи и сообщения. — Разграбление. — Агейли покидают город. — Потери войск и их жестокости. Страница 317.

ПИСЬМО XIV

Прибытие шейха Вадди и Сулеймана Ганнама. — Посещение места боя. — Его вид. — Лагерь арабов-зубейдов. — Наружность, оружие и прочее. — Кража лошадей и её последствия. — Лагерь хайтахов. — Хвастун. — Новости из Персии. — Три короля Брентфорда. — Известия из Тебриза. — Анайза снимаются с лагеря. — Распоряжения паши. — Багдадская полиция и правосудие. — Новые известия из Персии. — Шейх Вадди. — Каузенлейн. Страница 337.

ПИСЬМО XV

Арабские племена Месопотамии. — Арабский характер и вкусы. — Кровная вражда. — Арабская месть. — Долина женщин. — Выдержки из журнала путешественника. — Туркмены Евфрата. — Арабы бени-саид. — Хамет-эль-Халиль. — Некрасивые женщины. — Арабы уль-

фадхи из Ракки. — Любители громко говорить. — Болотные арабы. — Снятие лагеря и устройство стоянки. — Различия между болотными, или феллахскими, и бедуинскими арабами. — Золотые дни грабежей. — Власть шейхов и их семейств. Страница 354.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО КУРДИСТАНУ И МЕСОПОТАМИИ

ПИСЬМО I

Причины продолжительного пребывания в Тебризе. — Здоровый климат этого города. — Его окрестности и вид. — Сады. — Плоды. — Яйлагы. — Благосостояние. — Его причины. — Торговля. — Мохаммед-мирза. — Его двор. — Причины его унылого состояния. — Каймакам. — Его характер и власть. — Посещение наследного принца. — Скорая расправа.

Тебриз, 4 октября 1834 года.

Дорогой —,

Едва ли мне нужно извиняться за сравнительно долгий срок, прошедший между датами моего предыдущего и нынешнего письма, равно как и за краткость первого сообщения. Вам хорошо известна та усталость, которая следует за продолжительным напряжением телесных или умственных сил; в моём случае к тому времени, когда я добрался сюда, и те и другие были настолько истощены, что многие дни я был способен лишь наслаждаться предоставленным мне покоем и житейскими удобствами, к которым душа, словно долго натянутый лук, возвращалась с удвоенной охотой. Я упивался полным ощущением свободы и безопасности и радовался доброте и гостеприимству многочисленных друзей, собравшихся здесь. Наши дни теперь текут мирно, почти ничем не тревожимые, хотя кое-какие события всё же случаются, и я, подобно моряку, недавно пережившему тяжёлое плавание и опасное кораблекрушение, с наслаждением предаюсь этому тихому, хотя и бездеятельному отдыху и немного страшусь приближающейся необходимости вновь приняться за дело. Мои лошади, бедные животные, несомненно, ещё охотнее меня разделяют эту склонность к неподвижной жизни, поскольку именно они, по существу, и служат главной причиной столь долгого отдыха: пока они хоть сколько-нибудь не придут в форму, их хозяин не может двинуться с места. Не более склонны нарушить свой покой и мои слуги, измученные гилянкой лихорадкой, нежели господин, которому они служат, или животные, за которыми ухаживают.

Если бы мне пришлось выбрать место, наиболее подходящее для такого восстановления сил, для возвращения или сохранения здоровья, я не знаю, сумел бы найти что-либо лучше Тебриза в это время года, да, насколько мне известно, и в любое другое. Едва ли где-нибудь найдутся небо светлее и воздух чище тех, под которыми живут и которыми дышат обитатели этого города и его окрестностей. Мне кажется, будто в обвевающем меня ветре действительно заключено «здоровье». В сущности, чрезмерная сила этого ветра — едва ли не единственное здешнее неудобство, связанное с атмосферой, ибо температура восхитительна. В середине дня солнце палило бы жарко, если бы ветер не охлаждал столь действенно его пыл; и приходится прощать ему тучи поднимаемой пыли, даже когда они слепят и душат несчастных, которых дела вынуждают выходить наружу во время сильных порывов.

В июне, июле и августе жара в самом городе, несомненно, бывает значительной, но сентябрь приносит жителям некоторое облегчение, а в октябре порою становится по-настоящему холодно. И жара, и холод здесь сухие и здоровые, совсем не похожие на удушливые перемены, которые делают Тегеран и его окрестности столь нездоровыми летом; вечера же и утра в любое время божественны. Какое небо! Какой чистый, блистательный эфир! Какое наслаждение вырваться из тесноты глинобитных стен и пыльных городских переулков хотя бы на неровную землю за ними; однако нет надобности задерживаться в самой отвратительной части окрестностей всех восточных городов — непосредственно возле стен, где ямы, впадины и всяческие неровности, кладбища с разрушающимися надгробиями и разверстыми могилами, развалившиеся стены, кучи мусора, падаль и всевозможная мерзость словно сговорились вызвать

отвращение у прохожего и где снующие взад и вперёд мулы и ослы, клячи, лошади и верблюды, гружёные и порожние, с грубыми всадниками и ещё более грубыми погонщиками загромождают и запутывают все дороги; нет, пробирайтесь сквозь всё это как можно скорее и кратчайшим путём, всячески остерегаясь угодить в яму, соскользнуть с ненадёжного мостика в водосток под ним или заблудиться в лабиринте разрушенных оград, куда вы свернули, намереваясь избавиться от какой-нибудь бесконечной вереницы верблюдов или ослов, нагруженных сорняками для топлива. Если вам это удастся, вы, вероятно, окажетесь на прекрасной, твёрдой и открытой равнине, где сможете отпустить поводья и предоставить сдерживаемой до сих пор живости своей лошади, как и собственной, полный простор среди окружающего необъятного пространства. Затем остановитесь на вершине пологого подъёма и бросьте прощальный взгляд на оставленную оживлённую картину — на многолюдный город, обитель стольких человеческих страстей и страданий, где счастья лишь малая толика, словно приправы к безвкусному или горькому блюду.

И всё же вы согласитесь, что Тебриз, при всех его недостатках, представляет собой прекрасное и приятное зрелище, когда смотришь на него с невысокого холма к востоку или северу, отойдя как раз настолько, чтобы перестать замечать убожество его глинобитных домов и изъяны плохо содержимых стен, старую цитадель и один-два минарета, возвышающиеся над смешением строений и деревьев, ибо внутри города имеется несколько садов, а со всех сторон его окружает настоящий лес плодовых рощ, далеко простирающийся за городские пределы по равнине. Прибавьте к этому известные красные холмы с поднимающимися за ними более далёкими вершинами, синие горы, окаймляющие с севера озеро Шахи, и высокие гребни Сахенда, всё ещё испещрённые снегом, позолоченные и окрашенные в пурпур лучами заходящего солнца, которое к тому же огненной каймой обводит массу низких облаков над отдалённым озером; всё это, смягчённое и приведённое в согласие нежной, таинственной дымкой этого часа, образует панораму, которая, хотя и лишена пышной, роскошной красоты, свойственной более западным странам, обладает, уверяю вас, собственной возвышенностью и необъятным величием, способным вызвать восхищение у всякого непредубеждённого созерцателя природы.

Сады Тебриза служат ещё одним приятным и плодородным прибежищем для обитателей города, ибо их общая площадь громадна, и среди них немало весьма обширных, куда легко попасть; а любитель фруктов за самую ничтожную плату может лакомиться ими до полного пресыщения. Дайте багбану, или садовнику, всего один сахиб-киран стоимостью в один английский шиллинг, и полдюжины человек смогут вдоволь наслаждаться превосходнейшими персиками, сочнееими нектаринами, сладчайшим виноградом, грушами, которые по вкусу не уступят, если не превзойдут, лучшие Жаргонель, Бон-Кретъен, Глёморсо и любые другие наиболее прославленные европейские сорта; что же касается превосходных дынь, то здесь они ничего не стоят. Фруктов в Тебризе, как вообще во всей Персии, настолько много и стоят они так дёшево, что составляют значительную часть пищи простого народа, который съедает их в количествах, способных изумить жителей менее плодоносных стран: например, персу ничего не стоит съесть два мана, то есть четырнадцать фунтов, дыни или арбуза, да ещё и выскоблить корки дочиста. Если считать, что треть приходится на семечки и несъедобные части, остаток составит весьма внушительную порцию для одного человека. Трудно понять, как их желудки могут вмещать и удерживать столь чудовищную тяжесть сырой растительной пищи, но нередко это не проходит безнаказанно. Оскорблённый и перегруженный орган часто начинает капризничать и отказывается исполнять свои обязанности, а обжора расплачивается за излишество расстройством желудка, заканчивающимся сильной лихорадкой. Переедание, в особенности чрезмерное употребление фруктов, поистине служит главной причиной всех здешних недугов, ибо даже этот благословенный край вовсе не избавлен от общей участи: люди здесь болеют и умирают, как и в любой другой части земного шара, и, быть может, ни одна причина не порожд-

дает столько страданий, как неумеренность в еде. Я уверен, что в Персии это именно так, ибо, хотя персы в целом умеренны в своих привычках, все они временами склонны к излишествам, и князь и крестьянин одинаково страдают от отвратительного обжорства. Не прошло ещё и нескольких месяцев с тех пор, как шах едва не погубил себя, упорно поглощая огромные количества особенно любимого им супа; а во время моего пути из Хорасана один из сопровождавших меня стражников, получив возможность бесплатно, то есть за мой счёт, вдоволь есть хорошую пищу, две ночи подряд съедал столько плова, сколько хватило бы на пятерых здоровых мужчин; следствием стала болезнь, от которой, сомневаюсь, что он когда-либо оправился. Подобным же образом двое моих собственных слуг навлекли на себя лихорадку в Реште из-за неумеренного объедания на пиршестве, устроенном на деньги, которые я им дал. Я мог бы привести множество других известных мне случаев, но подробности были бы отвратительны.

Для больных перемена воздуха столь же необходима, как лекарство, а судя по собственному опыту, я сказал бы, что даже необходимее, пусть бы даже приходилось менять прекрасную атмосферу на другую, саму по себе менее благоприятную. Жители Тебриза располагают возможностями такой целительной перемены, пожалуй, в большей степени, чем большинство других, ибо по соседству множество восхитительных горных убежищ, где воздух, несомненно, отличается несравненной свежестью и чистотой. Приблизительно в семи фарсах, или двадцати пяти милях, к югу, в горах Сахенда, находится деревня Ливан, давшая имя приятной долине, по которой протекает прекрасная прозрачная горная речка. Возможно, немаловажное достоинство этого пристанища составляет превосходная форель, которая в достаточном количестве водится в речке и доставляет тем, кто приезжает на её берега, как приятное развлечение, так и пищу; сюда часто отправляется английское общество и разбивает палатки в климате столь же прохладном и бодрящем, как в горах Шотландии или Уэльса. Далее, в другой стороне, находится Чаман, или естественное пастбище Уджана, где прежде обычно располагался царский лагерь, а ныне содержатся племенные кобылы принца; есть и Сераб, возвышенная местность по дороге к Ардебилу, с прекрасной форелевой речкой, а также величественные горные округа Халхал и Мешкин, если пожелаете отправиться подальше. Словом, я считаю Тебриз наиболее удачно расположенным и, в сущности, первым из персидских городов, ибо, хотя Исфахан, несомненно, занимает несравненно большую площадь, главная часть этой древней столицы представляет собой лабиринт развалин, среди которых редко рассеяны оставшиеся жители, и всё здесь носит печать упадка и былого величия, действующую чрезвычайно угнетающе. Напротив, Тебриз — город, который совершенствуется с каждым днём и население которого растёт; развалин в нём мало или вовсе нет, зато вы постоянно видите улицы, загромождённые материалами для постройки или починки домов, и здесь царит оживление и благосостояние, каких нигде более в Персии, кроме Тегерана, не встретишь, да и в нём не в такой степени.

Не подумайте, будто я намерен утверждать, что благосостояние это проистекает из каких-то необыкновенных выгод более совершенного государственного управления; в этом отношении ни Тебриз в частности, ни Азербайджан вообще не имеют больших поводов радоваться, чем остальная страна. Аббас-мирза действительно сделал кое-что для установления правильной системы провинциальных доходов и, пока жил здесь, для обеспечения их сбора, но благоденствие или достаток райятов, разумеется, занимали в его соображениях лишь второе место, и, хотя при его личном управлении произвольные поборы, возможно, были меньше, каждую деревню облагали налогами до крайнего предела её возможностей. С тех пор, однако, как он оставил провинцию и посвятил себя покорению Хорасана, правительство Азербайджана, отданное под власть оставленных им братьев, терпело такую тиранию, что, видит Бог, поздравлять себя ему было не с чем, а ни горожане, ни сельские жители не имели больших оснований радоваться нежным милостям этих принцев.

Нет, своим сравнительным благосостоянием Тебриз обязан великому орудию цивилизации, усовершенствования и обогащения — торговле. Это крупнейший торговый рынок Персии. Это складочное место, где сходятся дороги из Тифлиса и Малой Азии, с востока, запада, севера и юга и куда приходят караваны, чтобы излить в его лоно богатства всех народов. Из Тифлиса и Решта поступают все русские товары, потребляемые западными и южными областями Персии, вместе с той небольшой долей внешней торговли, какую недавний нелепый запретительный тариф России оставил её грузинской столице. Из Эрзерума вливается огромный и всё возрастающий поток европейских промышленных изделий, главным образом английских товаров, который идёт через недавно открытый порт Трапезунд или добирается из Константинополя более длинными сухопутными путями через Малую Азию; между тем по дорогам и торговым путям самой Персии поступают ценные произведения Индии, Татарии, Аравии и прочих стран, наполняя её базары.

Там, где таможенные правила так неопределённые, а взяточничество и продажность столь повсеместны, было бы нелегко определить размеры торговли этой столицы; однако на основании всего, что мне удалось узнать, я почти не сомневаюсь, что её европейская торговля, включая, разумеется, торговлю с Россией, приближается к миллиону фунтов стерлингов*, а азиатская и внутренняя торговля составляет по меньшей мере столько же; и хотя важные господа из Лондона, Ливерпуля, Глазго и Бристоля, быть может, станут презрительно морщить нос при упоминании столь ничтожного предприятия, позвольте заметить им, что для страны, столь бедной и разорённой, как Персия, это весьма приличная сумма и очень недурное начало торговли, которая, по крайней мере в отношении Великобритании, ещё находится в младенчестве.

* Теперь имеются достаточные основания полагать, что эта сумма превышена и с каждым годом возрастает.

Боюсь, я уже утомил вас своими рассуждениями о Тебризе, но теперь покончил с ними: вам не нужно опасаться подробного описания его общественных зданий, ибо здесь нет ни одного достойного описания. Старая крепость, или цитадель, быть может, построенная халифом Харуном ар-Рашидом, мрачно возвышается развалинами над современным городом, и с её зубчатых стен, откуда открывается обширнейший вид, кроме неё заметны лишь остатки одной или двух древних мечетей. Вероятно, одна из самых существенных привлекательных черт Тебриза заключается в его сравнительной близости к Европе и в лёгкости, с какой отсюда можно быстро выбраться из «земли язычников» в христианские страны, ибо путь в сорок миль до Тифлиса переносит вас в европейское общество с европейскими нравами; путешествие лишь немного более продолжительное доставит вас в Трапезунд, откуда удобное судно может отвезти вас либо в Константинополь, либо в Англию; а если вы предпочитаете быстроту и удобства татарской почтовой езды, то открыта дорога через Эрзерум и Малую Азию, и вы можете достичь прекраснейшего города ислама при умеренной затрате времени, денег и физических сил. Признаюсь, для меня все эти возможности представляли немалую привлекательность, поскольку я надеюсь вскоре воспользоваться ими на обратном пути в Англию. Англия! Родной дом! Какой трепет вызывают эти два коротких слова во всех жилах! Какой внезапный толчок они сообщают крови всякий раз, когда я о них думаю! Пусть человек, который ворчит из-за воображаемых бедствий и мелких неприятностей, встречающихся ему там и составляющих, подобно всему, что достаётся каждому сыну Адама, его удел, вырвет себя из родной почвы, покинет удобства собственного дома и постранирует некоторое время по таким странам, как эти, и, если он не научится ненавидеть свою своенравную раздражительность и не станет пламенно желать возвращения к благам, которые столь предосудительно недооценивал, он заслуживает осуждения на вечные скитания и изгнание.

Возможно, вас удивляет, что во всём этом излиянии чувств по поводу Тебриза я не сказал ни слова о молодом принце, который здесь живёт, наследнике персидского престола, и его дворе. Дело в том, что в настоящее время об этом почти нечего сказать. Почти со времени

моего приезда сюда Мохаммед-мирза прикован к дому приступом подагры, а войско находится вдали, на турецкой границе, и вместе с ним отсутствует большинство офицеров, которые придали бы двору блеск и оживление. «Подагра! — воскликнете вы. — У персидского принца подагра? Какая нелепая мысль, какое несоответствие!» И я признаю, что это действительно так, ибо с персидским принцем, да и с любым персом, привыкли связывать представления о стройности и подвижности, изяществе и превосходном умении держаться в седле. Представление о толстом теле и распухших ногах кажется совершенно чуждым такому существу. Но Мохаммед-мирза, хотя ему всего двадцать восемь лет, на самом деле весьма тучный молодой человек и унаследовал от материнского рода предрасположение к подагре, которую, к несчастью, столь рано пробудило безграничное потакание превосходному аппетиту, ибо наиболее трудная задача лекарей его королевского высочества состоит в том, чтобы побудить его к умеренности в пище. К тому же дела не позволяют ему, когда он живёт в городах, получать столько движения, сколько требует его естественная склонность к полноте, и таким образом время от времени резкий приступ подагры напоминает ему об излишествах и наказывает за них.

Но есть и другие причины, уменьшающие блеск принцева двора, и одна из них — бедность. Из походов в Хорасан он вернулся с пустой казной и обнаружил, что источники доходов провинции, откуда она должна была пополняться, исчерпаны и заранее растрочены чудовищными хищениями его братьев и некоторых других лиц, которым доверял его отец. Двое из первых, а именно Джахангир-мирза и Хосров-мирза, отправлены на вполне заслуженное заточение в крепость Ардебиль. Оба эти молодых человека настолько негодны, что их собственная мать объявляла невозможным решить, кто из них хуже.

Есть, однако, ещё более любопытная причина безмолвия при его дворе. Вся действительная власть в Азербайджане ныне сосредоточена в руках первого министра принца, Мирзы Абул-Касима, которого я уже представлял вам под титулом каймакама и с которым, как вы, быть может, помните, я встречался в Мазинане. Этот министр — не только одна из самых выдающихся, но и одна из самых странных личностей во всей Персии, причём его манеры и наружность не менее примечательны, чем душевные качества. Вообразите человека несколько выше среднего роста, необычайно тяжёлого и тучного, с весьма округлым животом, грубыми чертами лица, маленькими, но очень выпуклыми глазами, столь близорукими, что его можно было бы принять за полуслепого, однако же острыми и живыми; с большим уродливым ртом, украшенным длинными, неровными, выдающимися вперёд жёлтыми клыками, которые постоянно выставляет напоказ отвратительная привычка глупо разевать рот: представьте себе всё это, и вы согласитесь, что наружность получается не слишком многообещающая; и, конечно же, внешние качества каймакама больше подошли бы тупому деревенскому мужлану, нежели первому государственному деятелю империи. Правда, добродушная, хотя и несколько язвительная улыбка иногда озаряет нижнюю часть его лица, а верхнюю оживляет быстрый взгляд мерцающих глаз; но, по моему разумению, во внешности каймакама решительно нет ничего, что предвещало бы приписываемые ему дарования и проницательность.

Его поведение и личные привычки также едва ли способны внушить посторонним людям, по крайней мере европейцам, более благоприятное мнение о его характере и способностях. Когда это отвечает его намерениям, он умеет быть любезным и даже вежливым, но способен быть столь же наглым и грубым; и требуется твёрдая, непреклонная рука, чтобы удержать его, когда бес искушает его дерзить или браниться. Подобно многим персидским вельможам, он отличается чудовищной нечистоплотностью в еде, а рассказы о его подвигах при поглощении дынь и огурцов кажутся совершенно невероятными. Я слышал, например, будто за один присест он проглотил семь манов, или пятьдесят фунтов, дынь, и достоверно, что он предаётся подобным излишествам до такой степени, что потом некоторое время не может пошевелиться. Один джентльмен, проезжая как-то по месту, где его превосходительство стоял лагерем с военным отрядом неподалёку от турецкой границы, увидел временную палатку из несколь-

ких воткнутых в землю копий, накрытых конскими попонами и шинелями. Подъехав узнать, кто там может находиться, он обнаружил самого министра, который, наевшись любимых дынь настолько, что не мог двигаться, был помещён слугами под этот нарочно устроенный навес до тех пор, пока его превосходительство не сможет продолжить путь.

Как деловой человек он пользуется в общественном мнении репутацией непревзойдённого человека всеобъемлющих талантов. Он искусный финансист, понимает, как говорят, способен регулировать и повелевать всеми ресурсами страны, хорошо знаком с положением каждой провинции, и никто, как утверждают, не сравнится с ним в знании иностранных дел и искусстве руководить внешней политикой. Но более всего он славится, я едва не сказал — печально известен, искусством политической интриги, столь высоко почитаемым персами и, к ещё большему стыду нашего века, не менее поощряемым в цивилизованной Европе, иными словами, искусством обманывать людей, заставлять их верить в то, чего желает интриган, как бы далеко это ни было от истины, ради достижения собственных целей, искусством лжи и притворства во что бы то ни стало для исполнения своих замыслов.

Никто из знающих каймакама не ожидает услышать от него ни слова правды, вследствие чего, даже когда этому достойному господину бывает выгодно придерживаться фактов, ему редко верят. И всё же удивительно, насколько легко столь известному обманщику удаётся создавать именно то впечатление, которого он желает: люди так охотно дают одурачить себя ласковыми словами. Каймакам придерживается правила никогда и никому не отказывать в просьбе, поэтому ему удаётся отпускать просителей успокоенными и довольными, если не вполне уверенными в успехе; ведь, если спросить этих самых людей, почему они поверили его прекрасным словам, они ответят: «Мы им не верим, не верим ни единому слову из всего, что он сказал», — и всё же уходят от него явно обрадованные и окрылённые этой воздушной пищей.

Вполне естественно, что столь последовательный обманщик ожидает обмана и от других, и потому мы видим, что каймакам — подозрительнейший из смертных. Он не может довериться никому и вследствие этого вынужден сам выполнять или по меньшей мере принимать на себя всякого рода дела, от самых крупных до мельчайших подробностей. В вопросах политической важности он не допускает ничьего участия или помощи; например, ни одна душа не посвящена в происходившее во время некоторых важных переговоров, которые он недавно вёл с русским министром: все относящиеся к ним письма он сам получает, читает и отвечает на них. Последствия этой нелепой монополии очевидны: девять десятых всего, что следовало бы сделать, остаются невыполненными, а то, что делается, несмотря на его выдающиеся литературные способности, исполняется неудовлетворительно. Из всех своих природных или приобретённых достоинств он, быть может после таланта государственного мужа, то есть политического интригана, более всего ценит собственное искусство владеть пером, как в выражении мыслей, так и в почерке, являющемся предметом высокого честолюбия среди учёных персов. Он считает себя первым каллиграфом своего времени и свободно этим хвастается, хотя признаёт себя лично трусом. «Я трус, признаю, — имеет он обыкновение говорить, — терпеть не могу ваших сабель, ружей и сражений; но покажите мне человека, который сравнится со мной в искусстве пера: я буду состязаться с ним сколько ему угодно»; и действительно, министр по сложению и по нраву, телесно и политически, трус, какого робкого человека ещё поискать, хотя пером он храбр, как лев. К тому же он от природы ленив и лишь необходимость побуждает его к деятельности. Поэтому, когда ему удаётся кое-как справиться с одним делом, он так наслаждается полученной передышкой, что, дабы вновь усадить его за работу, требуется какое-нибудь сильное побуждение. Нарастающий наплыв дел порою так подавляет его, что он ищет убежища в эндеруне, то есть внутренних покоях, или в бане, пытаясь удерживать врага на расстоянии, пока не распорядится наиболее неотложными вопросами. Но и туда проникает рёв оставленных без внимания просителей, и он внезапно спасается бегством в отдалённую деревню, желая избежать преследователей; напрасно — они уже у него по пятам; он мчится в

другую, но покоя нет нигде, собственные люди вынуждены присоединиться к общей погоне, и наконец, измученный и отчаявшийся, он возвращается к себе и отдаёт себя во власть докучливых хлопот, уклониться от которых более невозможно.

Последствия этой жалкой системы ужасны, несправедливость всякого рода царит в страшных размерах, а против него самого и его господина поднимается такой ропот, что я не могу представить, чтобы подобное положение могло долго продолжаться. Что касается двора, состояние которого и побудило меня к этому очерку о характере каймакама, то воздействие здесь весьма примечательное: принц поставлен своим министром под полнейший надзор. Никто не может приблизиться к его особе без разрешения каймакама, и мало кому хочется возбуждать ревность, которая может оказаться для него губительной, обнаруживая чрезмерное стремление находиться возле своего государя. Поэтому государь этот остаётся почти покинутым, и ни во дворце, ни вокруг него почти не видно пышности или блеска.

По прибытии моём в Тебриз было сочтено уместным и почтительным объявить о моём возвращении из Хорасана и о готовности засвидетельствовать его превосходительству своё почтение, как только у него найдётся время меня принять. Ответ гласил, что ему предстоит о многом со мной побеседовать и он увидится со мной, едва выдастся свободная минута. Однако, поскольку в течение следующей недели о такой минуте мне не сообщили, я отправил его превосходительству некоторые бумаги, которые намеревался вручить лично, сопроводив их словами сожаления, что, вероятно, мне придётся покинуть страну, не имея возможности засвидетельствовать ему своё почтение. Это вызвало назначение двух последовательных свиданий, оба из которых не состоялись. Третье привело меня однажды утром около семи часов к его дому.

Слуги сказали мне, что их господин находится в бане. «Ну что ж, прекрасно, — ответил я, — тогда я уезжаю. Я не могу ждать здесь два часа ради одной лишь возможности увидеть вашего господина». Но они принялись умолять меня остаться, поскольку господин никогда не простит им, если они позволят мне уйти, и тому подобное, обещая, что мне придётся подождать не более получаса. Поэтому я последовал за ними в бедную небольшую комнату со столом, вокруг которого стояло шесть или восемь английских стульев. Я предусмотрительно захватил с собой кое-какую работу, чтобы заняться ею на случай задержки, и, когда провёл за ней полчаса, слуга принёс мне кальян. Я спросил, когда явится его господин. «Примерно через час он выйдет из бани», — отвечал тот. «Тогда я больше ждать не стану», — сказал я и поднялся, чтобы уйти. «Нет, нет, нет! — настойчиво воскликнул он. — Не уходите; каймакам будет здесь через несколько минут!» Так я вновь уселся, и примерно через четверть часа суета слуг и шарканье туфель возвестили приближение великого человека.

Между тем двор перед окнами наполнился людьми всевозможного звания и положения: ханами, беками, муллами, мирзами, купцами, солдатами, крестьянами, гонцами отъезжающими и возвращающимися и прочими, — каждому надлежало подать прошение или изложить просьбу, и к каждому его превосходительство с образцовым терпением обращал какой-нибудь комплимент или приветствие, пока я с не менее похвальным терпением стоял у окна, наблюдая движение этой кометы с длинным хвостом. Наконец его взгляд упал на меня, и немедленно из его уст посыпался целый залп комплиментов и расспросов в персидском духе с многочисленными уверениями, что «моё место давно пустовало», что «я принёс свет его очам» и что «ему нужно сказать мне тысячу вещей». Затем он вошёл в комнату, рассыпая любезности во все стороны, словно цветы, сел на стул, распорядившись поставить другой возле своего для меня, усадил всех присутствующих, повернулся ко мне и, взяв у секретаря свиток бумаги, тотчас начал быстро-быстро писать на нём, оставив меня с полуоткрытым ртом в ожидании обещанного сообщения и готовым отвечать.

Этот фарс продолжался довольно долго, пока вдруг в дальнем конце комнаты не вскочил некий человек с пространном рассказом о деньгах, за взысканием которых его послали, но которые, как он клялся, ни он, ни ещё дюжина людей вместе с ним не сумеют вырвать у

населения. Его крик, или усердие, чтобы не называть это сильнее, пробудил внимание министра; глаза его поднялись от бумаги, словно он очнулся ото сна, и принялись мигать в сторону говорившего, но он тотчас вник в дело, выслушал объяснения и дал чрезвычайно подробные распоряжения. Едва чары рассеялись, как в руки двум прислужникам стали совать бесчисленные бумаги и записки, которые с уморительной быстротой перекладывали их в руку великого человека. Он принимал их, казалось, машинально и начинал читать. Его манера проделывать это чрезвычайно любопытна. Из-за крайней близорукости он не может различить букв, если письмо находится дальше дюйма от глаза, поэтому он водит бумагой назад и вперёд или вверх и вниз перед самым глазом, задевая собственный нос; но поскольку в надлежащем расстоянии взгляд его чрезвычайно быстр, смысл написанного схватывается со стремительностью, напоминающей интуицию, и механическая сторона чтения совершается столь стремительно, что можно поклясться, будто он с важным видом трёт нос клочком бумаги, вместо того чтобы читать письмо.

Так он занимался добрых полчаса, не обращая внимания ни на кого, кроме входивших в комнату, которым, получив от слуги сведения об имени и звании, неизменно учтиво предлагал сесть. Что до меня, то я терпеливо сидел, весьма забавляясь зрелищем, пока не вошёл знакомый мне итальянский врач, который, увидев, чем занято его превосходительство, улыбнулся мне и спросил взглядом, словно говоря: «Ах, если дело обстоит так, нам надеяться не на что». В этом я уже успел убедиться и воспользовался небольшим оживлением, вызванным его приходом, чтобы попросить разрешения удалиться, заметив, что у его превосходительства теперь явно нет времени выслушивать мои сообщения. Но «Нет, нет, нет! — торопливо воскликнуло его превосходительство. — Все нет, вам нельзя уходить; мне нужно многое сказать, и вот, смотрите, я совершенно свободен». С этими словами он подвинул мой стул поближе, одновременно придвинув свой к моему, и мы уселись, склоняя головы друг к другу с видом крайней доверительности, пока они почти не соприкоснулись. Но судьба была против нас: едва началось его вступление, как вновь протянулась целая горсть негодных маленьких записок. Его превосходительство отверг их. «Разве ты не видишь, что я занят с сахибом?» — сказал он секретарю голосом скорее укоряющим и умоляющим, нежели сердитым. Секретарь улыбнулся и убрал бумаги. «И что же мне тогда делать, ваше превосходительство? — взревел какой-то гулям или бек, стоявший в дальнем конце комнаты в шароварах и полном дорожном снаряжении в ожидании отправки. — Я и так уже задержан здесь столько времени!» Взгляд, которым говоривший был удостоен в ответ на это обращение, почти тотчас перенёсся на другого человека, очевидно посланца какого-то важного господина, который с более почтительными манерами, но также во весь голос потребовал: «А что ответить на письмо хана, мой господин? Он непременно ожидает немедленного ответа». «И позвольте доложить вашему превосходительству, — тихо сказал один из слуг, — что это прошение требует безотлагательного решения». Бедный каймакам выглядел бесконечно удручённым, ёрзал на стуле, растерянно переводил взгляд с записки на прислужника, словно проверяя, нельзя ли ещё ускользнуть от своей участи; затем, подобно замороженному животному, которое неохотно, но беспомощно бросается в пасть змеи, схватил бумагу и пробежал её содержание. Это послужило только сигналом к общему, сокрушительному приступу. Прежде чем был дан ответ на первое прошение, вперёд протянулись ещё десятки бумаг, машинально схваченных, как прежде. Его превосходительство бросил на меня умоляющий о прощении взгляд, на который я ответил поклоном, одновременно разрывая тесный союз наших стульев. Сражение было явно проиграно.

«Лошади готовы, ваше превосходительство, путь далёк, а солнце начинает припекать», — сказал появившийся в дверях слуга в дорожном снаряжении, которому, без сомнения, с самого начала было велено явиться таким образом на выручку. Это стало сигналом к окончанию встречи. «Мне в самом деле очень жаль, сахиб Фрейзер, — обратилось ко мне его превосходительство, — мне ужасно стыдно перед вами, но простите, что я вынужден отправляться:

меня ждут некоторые принцы и прочие. Мне весьма стыдно; но, иншаллах, по возвращении мне многое предстоит сказать и услышать». Я произнёс несколько «астагфируллах!» и «иншаллах!» в соответствующих местах в ответ на эти самоуничижительные и учтивые выражения великого человека и отклонялся со словами: «Да не уменьшится никогда ваша милость!» «Хода хамрахи шума! Хода нигахдарет! Да пребудет с вами Бог! Да хранит Он вас!» — ответил он, и мы расстались, и так завершилось это странное свидание. Для меня оно не было разочарованием, ибо я ничего не просил и ни на что не рассчитывал: я должен был сообщить сведения, а не получить их; в самом деле, выудить сведения у каймакама никто и не помышляет, и, если бы кто-нибудь попытался, он уподобился бы тому, кто пошёл за шерстью, а вернулся остриженным: его самого непременно вывели бы до последней мелочи.

Но именно так он поступает с другими и при обстоятельствах куда более важных, сколь бы неотложным ни было дело. Даже когда удаётся склонить его к хелвету, или частной аудиенции, его евнухи, пользующиеся особыми правами, постоянно приносят мерзкие маленькие записки, которые он столь же постоянно читает, иногда вынимая письменный прибор и отвечая на них, совершенно прерывая начатое дело. Это заходит столь далеко, что, насколько мне известно, господа из нашей миссии были вынуждены прерывать назначенные переговоры, когда их таким образом отвлекали, чтобы показать, насколько неприличным они считают подобное обращение с собой: вот из какого материала иногда делаются министры в Персии; вот как теперь ведутся её дела и разбиваются надежды на улучшение, и так, по-видимому, будет продолжаться, если какое-нибудь могущественное влияние не будет употреблено для приведения её дел в порядок.

Я ещё не упомянул, что наше европейское общество за последнее время сильно сократилось вследствие отправления большей части нашего офицерского отряда в персидский лагерь, который, как я говорил, находится ныне на турецкой границе, дабы посредством демонстрации силы разрешить некоторые споры, связанные с притязаниями обеих стран на известные племена курдских илятов, кочевников во многих отношениях, ибо, живя на границе, при любой причине недовольства, действительной или мнимой, каким-нибудь из правительств, они тотчас переходят через рубеж во владения соседнего государства и перестают признавать права того, в чьих пределах прежде жили.

Пока эти господа находились среди нас, британское общество было многочисленным и насчитывало, со всеми сержантами и прочими, около сорока человек; между охотничьими выездами и званым обедами мы проводили время очень приятно. Но теперь у нас отняли наши светила, и, как часто бывает в таких обществах, где каждый обязан исполнять определённые обязанности, начинается общее рассеяние. Так, Макнилл оставил нас после самого краткого предупреждения. Затем командир отряда и четверо его офицеров отправляются в лагерь; далее, несчастному мне вот-вот нанесут новый толчок, который заставит меня несколько месяцев кружиться, словно волчок, и так оно и идёт: новые лица появляются и исчезают — «приходят, как тени, и так же уходят!»

Отъезд Макнилла был для меня тяжёлым событием, ибо вместе с ним я лишился помощи и советов лучшего друга; обстоятельства потребовали, чтобы в это время в Англию со всей возможной быстротой отправился человек, пользующийся самым полным доверием, и потому, к немалому изумлению здешних британских жителей, от которых, как и от других, это решение по достаточным причинам держали в тайне, однажды прекрасным утром место этого джентльмена, говоря по-персидски, «оказалось пустым». На заре я зашёл к нему и застал его за укладыванием вещей в татарские дорожные мешки. Через два часа я пожал ему руку, увидел, как он сел на одного из моих старых добрых знакомых — почтовых лошадей чапара — и уехал, сопровождаемый добрыми пожеланиями всего нашего общества, когда оно узнало о предстоящем путешествии. Это было одно из тех стремительных перемещений, которые застают нас врасплох, одно из внезапных событий, иногда меняющих облик самых однообразных обществ

и пробуждающих людей, которых оно коснулось, лишь для того, чтобы ввергнуть их в ещё более глубокое уныние, чем прежде; и положение не стало лучше от последовавших отъездов.

Несколько дней назад я сопровождал посланника на приём к принцу, наследнику престола. Он принял нас в довольно красивой комнате, просто одетый, сидя на стуле, причём для нас были поставлены ещё четыре. Он был совершенно любезен и, по-видимому, старался понравиться всем нам; но такие посещения всегда отличаются скованностью, а густая и быстрая речь его королевского высочества крайне затрудняет постороннему понимание его слов. Лицо у него красивое и приветливое, но сам он уже теперь так толст, что обещает стать чудовищно тучным. По натуре он, хотя и склонен к лени, добродушен, но, подобно многим людям такого склада, если его вывести из себя, становится столь же буйным и решительным, сколь прежде был мягким или нерешительным. Пример этого случился на днях, когда по случаю недостатка хлеба некий мулла, проявлявший особенное усердие, явился к принцу и до такой степени забылся, что говорил непочтительно и даже грубо. Принц некоторое время терпел, но наконец, разгневавшись, вскочил и приказал прислужникам немедленно схватить и удавить этого человека; приговор был приведён в исполнение тут же. Почти такой же участи на днях подвергся один человек довольно высокого положения. Это был вождь Карадага, имевший некоторую склонность своевольничать с чужими шеями и немного грабить и разорять людей по собственному усмотрению. Точной причины вспышки я не помню, но он пытался оправдать свои поступки перед принцем таким образом, который, по-видимому, произвёл действие прямо противоположное желаемому, ибо его королевское высочество, впад в ярость, приказал фаррашам обвязать шею самого вождя верёвкой и некоторое время волочить его по двору. Эта операция продолжалась, пока человек не потерял сознание, после чего один из присутствовавших офицеров, отстегнув саблю, вложил её в руки палачей как залог вознаграждения при условии, что они прекратят казнь, пока его королевское высочество не упрости помиловать виновного. По просьбе офицера помилование было даровано, однако долго оставалось сомнительным, оправится ли несчастный от жестокого обращения, которому подвергся.

Мне пора закончить это беспорядочное послание, поскольку имеется гонец, который, возможно, ещё нагонит Макнилла, и мне необходимо наконец всерьёз заняться приготовлениями к путешествию в Багдад. Прощайте!

ПИСЬМО II

Размышления о путешествиях и приготовления к дороге. — Обед у каймакама. — Подробности устройства для гостей. — Привычки государственного министра. — Испытание ракет. — Отъезд из Тебриза. — Диза-Халиль. — Тасудж.

12 октября, Тасудж, деревня на озере Шахи.

Дорогой —,

На ваши письма от ... я ответил с большой поспешностью. Они застали меня, как я вам рассказывал, среди суматохи отъезда, несколько подавленного предстоящей разлукой с моими добрыми друзьями здесь и началом ещё одного долгого и тяжёлого путешествия. Я принадлежу к числу тех людей, которые считают, что хорошая вещь становится ещё приятнее, если наслаждаться ею в обществе друга. «Какая прекрасная вещь, — восклицает какой-то французский писатель, — одиночество! Если бы только с нами был кто-нибудь, кому можно было бы сказать: „Как прекрасно одиночество!“» И, на мой взгляд, то же относится к путешествиям. Без спутника, с которым можно обмениваться мыслями, которому можно сообщать свои впечатления, надеясь на сочувствие, самая прекрасная страна и величественнейшие виды наконец перестают интересовать. А когда к отсутствию такого товарища прибавляются причины для забот и тревог, путешествие, как и одиночество, становится весьма жалким развлечением.

Я знаю, что молодые и пылкие люди освищут такое признание, ибо их горячий энтузиазм бросает вызов и холоду сомнения, и угнетающему действию тревоги и одиночества; было

время, когда странствовать почти по собственной воле по диким и обширным странам, встречая ровно столько опасности и неизвестности, чтобы избавляться от скуки полной безопасностью, и имея возможность, если не уверенность, переживать приключения едва ли не каждый день, показалось бы мне блаженством, самой вершиной романтического восторга:

«Несись, мой конь, куда захочешь, или мчись, мой челн;

Лишь будь звездой, ведущей мои скитания»;

любовь к приключениям, если угодно, — опасность ради самой опасности. Но печальные жизненные истины значительно умили этот донкихотский дух. Рука времени, проходя над умом, отрезвляет воображение, как она убеляет волосы. В мечтах, правда, эти картины фантазии всё ещё сохраняют пленительные краски, подобно тому как самые суровые горы на расстоянии являют восхитительнейшие виды и как чтение об опасностях и приключениях очаровывает счастливых обитателей уютной гостиной, сидящих у пылающего камина. Но пусть восторженный почитатель живописного взберётся на те самые пурпурно-золотые горы, и его радужные видения исчезнут; пусть путешественник, сидящий у домашнего очага, оставит свои туфли возле камина, наденет сапоги и плащ и, вскочив на лошадь, несколько дней и ночей проедет в одиночестве под снегом, дождём и солнцем, отдыхая, когда удастся отдохнуть, в конюшнях и хижинах либо предаваясь короткому сну под покровом одного лишь неба, и я ручаюсь, что, как бы молод и пылок он ни был, его романтического настроения не хватит на полгода.

Именно с чувствами подобного рода, ещё обострёнными и болезненными после моей неприятной кампании в Мазендеране и Гиляне и несколько не улучшенными близостью ещё одного тяжёлого путешествия с людьми и животными, лишь наполовину оправившимися от недавней изнурительной службы, я отвечал на ваши письма, боюсь, в тоне не слишком весёлом и благодарном за их содержание... Но всё это миновало, и вот я здесь, действительно покинув Тебриз, сижу в необычной, но не лишённой удобств комнате этой прекрасной деревни. Однако с тем городом мы ещё не вполне распрощались, и я думаю, что, даже рискуя наскучить вам, должен ещё раз вернуться к каймакаму и рассказать о званом обеде, на который он удостоил меня приглашением. Надеюсь, эта особа вам ещё не совершенно надоела, ибо сцена была настолько характерна, что я не могу удержаться от того, чтобы обременить вас рассказом, как бы утомителен он ни оказался.

Услышав, что его превосходительство намеревается наверняка устроить беседу и оградить её от частых помех, случавшихся до сих пор, пригласив меня как-нибудь вечером перед моим отъездом на обед без посторонних, я отложил отъезд на один день после того, как всё уже было приготовлено, и в назначенный час, через полчаса после захода солнца, верхом отправился к министру. Меня провели в ту же комнату, что и прежде, освещённую восковыми свечами, ибо оказалось, что его превосходительство столь же чувствителен к тяжёлому запаху бараньего сала, как любая изысканная дама в Англии, и способен учуять догорающую свечу или иную скверную жирную вонь на любом расстоянии не хуже сестры —. Свечи зажгли при моём входе, и вскоре после этого его превосходительство явился с обычным сердечным и непринуждённым приветствием. Через минуту-другую мы оба уселись, и поскольку он извещал меня, что нынешнее частное свидание, хелвет, устроено в возмещение прежних неудач, можно было подумать, будто пришло время без всякого промедления приступить к вопросам, которые, как я знал, он собирался мне задать. Но дело обстояло совершенно иначе.

Едва он уселся и отпустил своих слуг, в числе которых находились два весьма хороших мальчика, его сын и внук, особенно распорядившись, чтобы его не беспокоили, как, оперев подбородок на золотой набалдашник трости, которую держал обеими руками, и далеко вытянув ноги из-под своих широких одежд, он обратился к единственному оставшемуся человеку, своему назиру, или управляющему, и велел ему отправиться к некоторым названным поимённо гостям, передать им тысячу приветствий и принести столько же извинений от его имени за то, что он до сих пор не сумел лично к ним явиться. «Скажите им, — произнёс он,

— что последние три дня по вечерам у меня неизменно бывал тот или иной принц, а сегодня я занят с этим франкским сахибом; но смотрите, чтобы им оказывали все знаки внимания и чтобы они ни в чём не нуждались».

«А кто теперь живёт в моём доме? — продолжал он, обращаясь с вопросом к слуге. — Какие гости у меня находятся? Кто приехал сегодня?» Назир ответил, перечислив длинную череду имён, от которых вам не было бы никакой пользы, но хозяин слушал внимательно; «А где поселили такого-то?» — потребовал он затем, и, получив также ответ, перебрал всех по очереди, высказываясь об уместности помещения каждого и распорядившись предоставить этому хану такой-то ряд комнат, этому беку такой-то отаг, или покой, а другому такой-то делен или балахане; тон обсуждения показывал, что это был предмет обычных расспросов.

И прочие потребности многочисленных гостей вызывали не меньшие заботы и распоряжения. Один, например, регулярно получал пищу для себя и своих слуг, но корм для его лошадей приготовлен не был, и министр приказал исправить упущение. У другого имелся собственный повар, которому следовало выдавать необходимые продукты для его господина и который должен был готовить их в месте, специально указанном его превосходительством. Другому регулярно присылали по два доврага, или подноса с кушаньями, из собственной кухни министра, но до сих пор не посылали завтрака, и это также следовало исправить. «А какой шербет вы подаёте к обеду такого-то — сладкий или кислый?» Назир ответил, но, по-видимому, неудовлетворительно, ибо министр распорядился впредь подкислять сладкий шербет лимонным соком либо абгурой, соком кислого винограда; «А на завтрак пусть у него будут миска яхни, то есть супа, одно тушёное блюдо и тарелка плова с фруктами и сладостями, слышишь? И прибавь ещё одну тарелку плова к обеду хана —. Где, ты говоришь, он поселён?» «В таком-то балахане», — ответил назир. «Это не годится, — сказал его превосходительство, — его нужно поместить в маленьких комнатах возле большого шербетхане». «Но эти комнаты заняты такими-то родственниками вашей светлости», — заметил назир. «Это не имеет значения, — отвечал хозяин, — поселите туда хана, а для моих людей мы найдём другое место: нашим гостям во всяком случае должно быть удобно. Что, ты сказал, ему подают на обед?» Назир перечислил блюда. «Это тоже не годится, — сказал министр, — нужно достать для него плов с ягнятиной». «Ягнят нигде не достать», — сказал назир. «Как! Ни одного?» «Ни одного, господин, кроме нескольких ручных ягнят, которых продают за огромные деньги». «Не думай о цене, человек; я говорю тебе, у него должна быть ягнятина; а такому-то должны подать цыплят». «Цыплят тоже мало, — заметил управляющий, — из деревни мне удалось получить всего семь штук для самой вашей светлости, да и три из них слишком тощи, чтобы подавать наверх». «Тогда пошли жирных хану, а тощих оставь мне. Где вы поместили хана —, который прибыл позавчера?» «Пока, господин, он спит на крыше дома, но, поскольку ночи становятся прохладными, мы положим его тюфяк в комнате внизу». «Какие постельные принадлежности вы ему дали?» «Тюфяк, две пуховые подушки и красивое ситцевое лахаф, то есть покрывало». «Хорошо, а его люди? Али-бек где спит?» «Все они ночуют где-то снаружи, не знаю где». «Как, разве бек приехал сюда с женой?» «Нет, господин, но их так много, пятеро или шестеро, и я подумал, что едва ли годится укладывать всех вместе в одной маленькой комнате, поэтому позволил им найти ночлег вне дома».

В таком духе этот необыкновенный государственный министр провёл большую часть часа, обстоятельно разбирая все подробности, необходимые для содержания множества гостей, вплоть до самых незначительных мелочей, назначая каждому пищу, жильё и обслуживание, соответствующие его званию: одному шербеты и кушанья особенной изысканности, другому обычную пищу, кому-то рис из Урмии, другому рис из Мешкина, тогда как нежный амбербу, или пахнущий амброй рис из Мазендерана, предназначался для наиболее почётных гостей. Столь же пристальное внимание уделялось меблировке их комнат, которые следовало засти-

лать коврами из Герата, Мараги или Мешкабада в зависимости от ранга и обстоятельств постояльцев, не жалея никаких расходов.

Нелепость того, что государственный министр тратит драгоценное время на подобные мелочи, несомненна, однако сами по себе они важнее, чем вы, пожалуй, сперва предположили бы, ибо в Персии порядок помещения и содержания гостей столь же строго подчинён этикету, как правила визитов или распределения мест в собрании: с каждым следует обращаться согласно его званию, и блюда, шербеты, ковры и прочее тщательно сообразуют с этим. В противном случае возникли бы обиды и недовольство, и каймакам говорил одному английскому джентльмену, который, подобно мне, слышал, как он занимался всем этим, что любой человек в Персии, принимающий у себя множество гостей, как он, вынужден поступать точно так же. По этому поводу каймакам спросил, сколько человек должно обедать у него в тот день. «Шестеро», — ответил назир, перечислив имена. Его превосходительство отдельно обсудил притязания каждого, и оказалось, что, согласно строгому этикету, лишь двое из всех могли оказаться вместе за одним столом, поэтому остальных отложили до другого дня.

Всё это казалось мне чрезвычайно похожим на показную пышность, но несомненно, что министр держит огромное хозяйство для приёма гостей и оно постоянно переполнено. Его дом служит своего рода общим местом встречи для всех приезжих известного положения, а его мехманхане, или хозяйство для гостей, устроено сообразно этому наплыву. Мне рассказывали, что некоторое время назад, без всякого особенного повода, у него гостили не менее пятидесяти восьми ханов со свитами. Разумеется, всё это влечёт огромные расходы, и содержание одного только мехманхане оценивается в сорок пять тысяч туманов ежегодно, или двадцать две тысячи пятьсот фунтов стерлингов. В качестве одной подробности мне сообщили, что у него имелось двести восемьдесят запасных комплектов постельных принадлежностей для гостей с соответственным количеством ковров и фурий, то есть намадов и матрасов. Я не знаю, выдаёт ли принц ему что-либо в помощь для покрытия этой громадной траты, однако весь расход производится деньгами или тем, что их заменяет, а именно зерном и соломой, овцами, маслом, рисом и прочими произведениями его деревень.

Наконец с этими важными вопросами было покончено, и каймакам, сойдя со стула, но велев мне оставаться на своём, уселся на ковре и, вынув письменный прибор и несколько больших свитков бумаги, принял обычное положение для письма, сильно наклонившись грудью вперёд, и написал несколько записок. Затем последовало рассмотрение целой связки писем, после чего, когда со времени моего прибытия прошло уже почти два часа, он повернулся ко мне и сказал, что давно желал побеседовать со мной наедине, но многочисленные занятия до сих пор не позволяли ему этого, тогда как теперь ему надлежит получить сведения по нескольким вопросам, и я должен сказать ему правду, всю правду.

Затем последовала длинная череда вопросов, к которым я был вполне готов, хотя и не вполне ожидал той решительности, с какой он настаивал, чтобы ему сообщили, и очевидно хотел знать, полное и истинное положение в каждом деле. Его вопросы касались главным образом состояния хорасанских провинций, моих суждений по этому поводу и поведения людей, которых он оставил там управлять; поскольку на эту тему я мог сказать мало приятного, мне гораздо больше хотелось бы промолчать. Но с каймаком так поступить было нельзя. Он заметил моё смущение и не раз повторял: «Ну же, сахиб Фрейзер, мне нужна правда; помните, именно от вас я ожидаю её, так что не стесняйтесь говорить всё до конца». Заклинаемый подобным образом, я не мог сделать ничего иного, как высказать подлинные свои чувства, облекая их в самые безобидные выражения, какие только мог найти. Задача была мучительной, но долг мой был ясен, и, поскольку оставалась надежда на некоторый добрый результат, я решил исполнить его любой ценой и невзирая на жертвы.

Наша беседа была долгой; министр часто как бы уходил в себя и по многу минут пребывал погружённым в размышления. Но спустя довольно значительное время вошёл генерал-адъ-

ютант армии, и с ним каймакам принялся обсуждать обмундирование некоторых полков, вдаваясь в самые мелкие из мыслимых подробностей изготовления солдатского мундира: сколько для него потребуется сукна, сколько четвертей или полчетвертей больше либо меньше пойдёт на жилет нового образца, будут ли для зимнего похода дешевле и удобнее для солдата чарухи, или шнурованные кожаные башмаки, сапоги либо русская обувь, — и тысячу подобных подробностей, которыми он занимался с величайшей на вид серьёзностью и интересом. Я не мог отделаться от подозрения, что эти подробности разбираются в моём присутствии ради того, чтобы внушить мне высокое мнение о заботе его превосходительства об удобстве войск.

Всё это время его превосходительство также во весь голос требовал обеда, который, казалось, откладывали до бесконечности. Помехи тоже начали множиться. Подобно осаждённой крепости, долго выдерживавшей натиск неприятеля и наконец начинающей поддаваться, или потрёпанному бурей кораблю, который после долгих ударов волн сдаётся и впускает воду через тысячи щелей, — либо возьмите любое другое сравнение по своему вкусу, лишь бы оно было достаточно избито, — двери хелвета каймакама наконец поддались напору толпы, осаждавшей их даже в этот ночной час, и внутрь ворвалось множество мирз, секретарей и писцов, у которых пояса едва не лопались от громадных связок бумаг. Министр бросил унылый взгляд на неудержимое вторжение и машинально принялся брать и читать своей странной манерой всё, что перед ним клали; одни получали указания и отправлялись прочь, другим приказывали оставить свои свёртки до более позднего часа. Но среди них был один невозмутимый и решительный малый, который прямо обвинил великого человека в том, что тот затерял важный документ, из-за отсутствия которого некий мирза готов был сойти с ума. Напрасно его превосходительство отрицал всякое знание об этой бумаге: обвинитель почтительно, но упорно стоял на своём — не в карманах ли она у его превосходительства или не осталась ли в одежде, которую он нынче сменил? «Нет, нет, говорю же вам, нет! — нетерпеливо заявил его превосходительство. — У меня её нет, я ничего о ней не знаю и сам схожу с ума из-за этого не меньше, чем такой-то мирза!» Затем, словно желая показать свою правоту, он с сердитым и раздражённым видом принялся вытряхивать содержимое некоторых вместилищ, именуемых карманами, которые по своим размерам могли бы превзойти карманы доброго старого К—, и оттуда вывалилась такая груда писем и бумаг, что могла бы покрыть целый акр земли; их хватило бы, чтобы на всю жизнь обеспечить бумагой мелочного торговца или продавца нюхательного табака, — как вдруг, о чудо! К бесконечному смущению его превосходительства последней, точно намеренно там притаившейся, словно Надежда в ящике Пандоры, выпала та самая бумага, которая и вызвала всю суматоху. Это было словно найти иголку в стоге сена при свидетеле, и вид у его превосходительства, когда он передавал бумагу другому, был весьма глупый, между тем как тот проявил прекрасный такт, не обнаружив ни одного чувства, кроме радости от находки документа.

Содержимое мешкообразных карманов, извергнутое наружу, затем неизбежно потребовало внимания, и на наведение порядка ушло ещё двадцать минут. Во время приведения этого хаоса в порядок подали обед, и он оказался весьма хорош, хотя вы, пожалуй, содрогнулись бы от необходимости есть его пальцами, в которой я оказался. Каймакам превосходно исполнял обязанности хозяина по персидскому обычаю. Кроме меня, из гостей присутствовал лишь генерал-адъютант Хусейн-хан, и его превосходительство щедро наполнял наши тарелки, ибо он настоял на том, чтобы вместо ломтей хлеба нам подали тарелки, полагаю, из любезности ко мне. Заметив, как я довольно безуспешно пытаюсь пальцами разодрать какой-то орнитологический экземпляр, курицу или куропатку, во всяком случае жёсткую двуногую птицу, он воскликнул: «Эта нехороша! Вот другая лучше!» — и, схватив за неподатливую голень другую несчастную жертву, с грудки которой его собственные когти уже содрали половину мяса, перенёс её на мою тарелку и положил поверх первой. «Да не уменьшится никогда ваша милость!» — сказал я, принимаясь разрывать её тушку на части. «Вот маринованный перец, вы его едите?»

— спросил его превосходительство и, погрузив руку в блюдо, захватил горсть и рассыпал её по остаткам на моей тарелке прежде, чем я успел ответить. «Да умножится ваше богатство!» — сказал я и стал жевать перец. Подобным же образом он на деле рекомендовал все кушанья, пока наконец мы не дошли до того, что можно было бы назвать десертом.

Он состоял из огромного подноса с дынями, любимым лакомством его превосходительства, как я уже говорил. Разумеется, это были лучшие дыни, какие мог дать Тебриз, и многие из них обладали вкусом, за который садоводческое общество наградило бы медалью. Но каймакам тонкий ценитель, и потому для пробы ему разрешили более дюжины. Не ужасайтесь такой расточительности: каждая едва ли стоила полтора пенса; все были попробованы, две-три одобрены и проглочены, а ещё несколько оставлены для неспешного лакомства. На этом обед завершился, и, если бы его превосходительство, подобно Серторию, обедал на чаше весов, чтобы взвешивать съеденное, прибавка веса оказалась бы пугающей. И в самом деле, казалось, громадное судно ощущало принятый груз, ибо, поднимаясь из позы едока, оно тяжело покачивалось, словно глубоко нагруженный корабль во время сильного ветра.

Не успели мы как следует закончить, как комната начала вновь наполняться, и я подумал, что дела сейчас возобновятся, поскольку, повернувшись к одному из стоявших рядом, он спросил: «Ну, что на завтра?» Без сомнения, это первая завтрашняя работа, сказал я себе; полагаю, его превосходительство отправляется отдыхать или в гарем, и мне пора откланяться. Но нет: «Думаю, нам стоит приготовить ягнятины, — продолжил его превосходительство, — да, плова с ягнёнком». Чёрт возьми, подумал я, что он теперь затевает, опять мехманхане? Нет, человек, с которым он говорил, был пеш-хидметом, а важное дело касалось обеда самого его превосходительства на следующий день. «Да, — продолжал он задумчиво, — и пусть приготовят баклажаны с мастом, то есть кислым молоком, и два хореша, то есть тушёных блюда; смотри, не испорти кислый соус, положи туда столько-то луковиц и три, да, три или даже четыре чашки уксуса, хуже не будет; да, вот так хорошо», — и продолжал перечислять блюда, которые нужно было приготовить, и даже соусы, вплоть до мельчайших подробностей. Признаюсь, я испытывал не только отвращение, но и раздражение; однако, что касалось меня, дело было закончено. К этому времени комнату наводнила толпа ханов, беков, мирз, евнухов и прочих, державших бумаги в руках или готовых изложить свои дела, и я воспользовался первым удобным случаем, чтобы попросить разрешения удалиться. «Так вы уезжаете, — сказал он, — неужели вам нечего у меня попросить?» «Ничего, — ответил я, — кроме продолжения благосклонности вашего превосходительства и ваших поручений, если таковые имеются, которые я мог бы исполнить в новом путешествии. Я с радостью сделаю всё, что в моих скромных силах, для содействия вашим замыслам и замыслам его королевского высочества». «Большое спасибо, — ответил его превосходительство, — ничего, кроме того, чтобы вы держали глаза открытыми, внимательно смотрели по сторонам и доставляли мне точные сведения обо всём увиденном и услышанном. Вы говорили со мной немного, но сказали очень многое, и я всё понял и обращаю на это внимание, ибо уверен, что всё это правда. Когда вы видели меня молчащим и задумчивым перед обедом, я не был рассеян: я взвешивал ваши слова; и не забывайте присылать мне всевозможные сведения и писать по-английски, понимаете?» Когда я поднялся, чтобы проститься, двое мужчин, по одному с каждой стороны, взяли его под руки, чтобы поднять, невзирая на мои «астагфируллах!». Отчасти это было проявлением церемониала, отчасти необходимо вследствие его непомерной трапезы, и, несмотря на мои просьбы не делать этого, он проводил меня до двери, к изумлению и ужасу, полагаю, многих свидетелей. Вот до какой степени обстоятельства делают учтивыми даже величайших людей Персии, а вероятно, и других стран! Его превосходительство желал моего доброго слова, полагал, что я могу пригодиться, и уплатил такую цену, чтобы заручиться расположением человека, которого при иных обстоятельствах не удостоил бы вниманием: таков уж свет.

Единственное другое происшествие, достойное упоминания за время моего пребывания в Тебризе, состояло в испытании ракет, произведённом в присутствии наследного принца одним господином, привёзшим несколько конгревовых ракет в надежде продать их его королевскому высочеству. Десятое число было назначено днём испытаний, и, хотя на него же был назначен мой отъезд, я отправил багаж вперёд и согласился остаться, чтобы посмотреть зрелище и наутро отправиться следом.

Всё происходило чрезвычайно красиво. Принц, многие члены его семьи и значительная свита присутствовали на месте, чтобы увидеть действие нового снаряда, который, хотя и не действовал с той полной точностью, какую предполагал и обещал владелец, по крайней мере оказался грозным, пусть и не всегда удобным в управлении оружием в руках опытных артиллеристов. Его королевское высочество был в прекрасном расположении духа, и после стрельбы вся кавалькада, насчитывавшая не менее двух тысяч всадников, направилась вперёд осмотреть места, куда ядра ударились о склон холма. По дороге мы вспугнули бедного зайца, а поскольку две борзые, принадлежавшие кому-то из присутствующих, заметили его и бросились в погоню, за ними поскакали все франки, включая двух степенных миссионеров, пришедших посмотреть на эти нечестивые опыты. Прочь помчались все, точно безумцы, посланник, офицеры и остальные, забыв и о принце, и о ханах, и погоня получилась очень красивой, тем более что заяц устремился вверх по крутому склону холма прямо напротив нас, и собаки несколько раз поворачивали его назад. Все они ринулись вверх, карабкаясь и спотыкаясь, все, кроме вашего покорного слуги, который, имея впереди долгую езду и путешествие, не счёл благоразумным загонять лошадей, так что остановился у подножия, несмотря на нетерпение моего коня, и наблюдал всю эту скачку. Зрелище какой-нибудь дюжины европейцев со слугами, мчавшихся верхом, словно черти, вверх по склону, составляло любопытный контраст со степенностью принца и его тысяч, которые несколько не изменили своей размеренной и величавой поступи и, подобно тёмному облаку, медленно и постепенно поднимались по крутому склону, словно поглощая его по мере движения.

На другой стороне погоня оказалась короткой; обогнув край холма, я увидел небольшую кучку своих соотечественников, остановившихся в пятистах ярдах от меня. Бедная зайчиха была убита, возбуждение прошло, и мы все неторопливо направились обратно к его королевскому высочеству, который, полагаю, немало повеселился, хотя вовсе не удивился такому внезапному взрыву европейского охотничьего энтузиазма. Затем нас развлекали манёвры и упражнения нескольких курдских всадников, действовавших копьями и устраивавших стычки перед строем на всём пути к садам, окружающим город. Этот мой последний вечер в Тебризе завершился весьма приятным обедом у посланника, где я простился с друзьями, к которым всегда буду питать привязанность и интерес.

Вечерние развлечения задержали меня настолько, что я с охотой принял любезное предложение посланника воспользоваться его лошадьми на первом перегоне, отправив своих вперёд ожидать меня там; поэтому, сев верхом на восходе солнца, я повернулся спиной к месту, где провёл почти месяц столь желанного покоя, и направился прямо к деревне Маян, где накануне переночевали мои люди и багаж. Там, пересев на собственных лошадей, я продолжил путь к Диза-Халилю, большой и процветающей деревне, где около трёх часов пополудни обнаружил, что мои люди уже раздобыли мне жильё. Проезжая через эту деревню с её плодовыми рощами и садами, что заняло полчаса, приятно было замечать явное благосостояние этого места и богатство, чтобы не сказать удобство жизни, его обитателей. Она лежит по берегам прекрасной горной речки, берущей начало в хребте севернее озера Шахи, или Урмии, и вместе со своими садами занимает весьма обширное пространство.

На следующее утро с восходом солнца мы уже были в седле, и я не знаю почему, но никогда ещё первые утренние часы перехода не доставляли мне большего удовольствия. Нет ничего более любопытного и необъяснимого, чем перемены настроения и чувств, которые мы

иногда испытываем без сколько-нибудь очевидной причины. Зависят ли они от внутренних или внешних воздействий, душевных колебаний или особых состояний атмосферы? Утро этого дня было ничуть не прекраснее, а воздух не мог быть нежнее, чем во многие прежние дни, и всё же, выехав из Диза-Халиля, я сознавал в себе душевную лёгкость, резко отличавшуюся от уныния, в котором провёл несколько предшествующих дней; быть может, это была лишь обратная реакция после необычного состояния духа. Всё казалось улыбающимся и восхитительным; свет и тени на окружающих горах были невыразимо нежны и красивы, и синева озера, когда оно появилось перед глазами, могла бы поспорить с синевой любого итальянского водоёма, как лазурь небес над нашими головами — с красками итальянского неба. Во всей картине царило согласие, прекрасно соответствовавшее мирным занятиям крестьян, совершенно спокойно трудившихся на своих полях.

Теперь время подготовки к большому посеву пшеницы. Он продолжается весь сентябрь и октябрь, и множество плугов трудились, взрыхляя жирную землю, пока работники направляли потоки воды на только что перевёрнутую почву и разбивали тяжёлые комья лопатами, подготавливая землю к приёму семян. Должен, однако, заметить, что земледелие повсюду ведётся самым небрежным образом и что хороший английский фермер, имея дело с такой землёй, распорядился бы ею совершенно иначе и достиг бы совершенно иных результатов. Здесь никогда не увидишь, чтобы навоз вносили в почву, кроме бахчей с дынями и огурцами возле города; в сущности, животный помёт, хотя его тщательно собирают, служит не для этой цели, а зимним топливом. Сегодня я видел нескольких мальчиков и женщин, заботливо собиравших навоз там, где ночь или две прежде стояло стадо овец, но он предназначался для изготовления вместе с коровьим помётом лепёшек на топливо, а не для разбрасывания по соседнему полю. Насколько мне известно, земледельцы не знакомы даже с использованием извести для улучшения земли. В самом деле, поскольку земли вообще больше, чем воды, необходимой для её орошения, и значительную часть каждый год приходится оставлять невозделанной, парование в значительной степени заменяет применение удобрений, столь необходимое в нашей системе земледелия. Весь этот край, от Тебриза до нынешнего нашего манзиля, Тасуджа, представляет собой или мог бы представлять сплошное пространство возделанных земель; он изобилует прекрасными деревьями, обычно расположенными на пологих горных склонах и заканчивающимися на равнине, окружающей всё озеро. На этом пока закончу и напишу следующее письмо из Урмии, лежащей на западном берегу озера, через которую проходит мой путь.

ПИСЬМО III

Сельмас. — Русская политика. — Кара-Кишлак. — Шаловливые девушки. — Керимабад. — Урмийская равнина. — Усовершенствования в земледелии. — Наджаф-Кули-хан. — Дворцы и прекрасные покои. — Город Урмия. — Укреплённые дома. — Армянская церковь. — Христиане-несториане и их страна. — Курды Хаккяри. — Другие свирепые племена. — Мир Ревандуза. — Путешествие доктора Росса к этому вождю. — Различия между турецкими и курдскими деревнями. — Думдум. — Ревандуз. — Характер жителей, их одежда и нравы. — Слепота старого мира. — Братья мира. — Суеверия. — Негостеприимство. — Свирепость и храбрость курдов. — Законы и правосудие мира. — Немедленные наказания. — Войско в походе. — Взятие Акры. — Покорность Амадии. — Доктор Росс присоединяется к миру в лагере. — Наружность мира и разговор с ним. — Его лагерь. — Характер. — Размышления о дальнейшем пути.

Урмия, 17 октября.

Три дня, дорогой —, перенесли меня из деревни, откуда было отправлено моё последнее письмо, в это древнее и прекрасное место, которое считают Фебармой древности и родиной знаменитого Зороастра. Из Тасуджа наш путь лежал через округ и равнину Сельмас, одну из лучших в Азербайджане. Но она очень пострадала, во-первых, от набегов курдов Хаккяри,

населяющих горы на северо-западе, а во-вторых, от жестокого поведения русского генерала Паскевича, уведшего отсюда, из Баязида, Эрзерума и других соседних мест многие тысячи армянских семейств, вследствие чего почти весь город Сельмас и многие его деревни совершенно обезлюдели. Третья причина упадка заключается в тираническом поведении Джахангир-мирзы, который часто жил в этих местах во время пребывания своего отца, покойного наследного принца, в Хорасане и чьё имя здесь осыпают тяжёлыми проклятиями. Тем не менее округ Сельмас остаётся богатым и производительным, и, проезжая через него, видишь множество прекрасных деревень, особенно в верхней его части возле гор. Но я был удивлён, обнаружив, что речка Сельмас, вместо того чтобы, как я слышал, быть судоходной на несколько миль от озера, в это время года представляет собой жалкий ручей, едва смочивший копыта наших лошадей при переправе.

Сама равнина Сельмас, простирающаяся, как я полагаю, на тридцать миль в глубь суши от озера и местами достигающая десяти миль в ширину, очевидно, некогда была покрыта его водами. В самом деле, постепенное отступление вод этого внутреннего моря представляет собой явление, дающее любопытную пищу для размышления. Подобно всем прочим солёным озёрам этой части Азии, а также некоторым пресным, оно не имеет стока, хотя принимает воды многих значительных рек, спускающихся с окружающих гор. Вероятно, прежде источники его пополнения были обильнее нынешних, ибо, если верить рассказам по этому поводу, ещё на памяти живущих озеро было гораздо больше и полноводнее, чем теперь. Нынешняя убыль воды может происходить только от испарения, если не предполагать увеличившегося расхода на орошение; но, поскольку есть все основания полагать, что земледелие скорее сократилось, чем расширилось, последнее невозможно. Какой бы ни была причина уменьшения количества воды, нет сомнения, что у берегов озера постепенно прибывает земля, и притом весьма плодородная, что доказывают как даваемые ею урожаи, так и растущая на ней естественная трава, поскольку стада овец и крупного скота жителей не в состоянии уничтожить весь запас травы на лугах.

Мы намеревались добраться до Дильмана, большой деревни, удостоенной, как я полагаю, названия «город», но, доверившись руководству моего джелоудара, сбились с пути и очутились в жалкой деревушке Кара-Кишлак, которую я посоветовал бы всем будущим путешественникам обходить стороной. Моё собственное жилище помещалось на своего рода чердаке над глинобитным строением, которое, как говорили, служило мечетью, однако, по-видимому, имело столь же мало оснований притязать на святость, сколько на удобство; последнего здесь было совсем немного, ибо жилище было открыто всем небесным ветрам. Не лучше обстояло дело и с пищей, ибо, хотя мне очень хотелось пообедать, поскольку острый воздух возбудил во мне прекрасный аппетит, мой плут-повар, не привыкший готовить на лепёшках высушенного коровьего навоза, единственном здешнем топливе, испортил предназначенную мне птицу, так что мне пришлось утолять голод небольшим количеством сухого риса с одним-двумя яйцами. Зато мои животные устроились лучше, имея и укрытие, и корм в изобилии, а заботился я прежде всего о них.

На следующее утро, пересекши равнину, мы поднялись по долине среди невысоких холмов, отделяющих равнину Сельмас от другой, длиной около двадцати и шириной десять миль, которая также примыкает к озеру и упирается в высокие горы Курдистана, многие вершины которых всё ещё были испещрены снегом. Эта равнина тоже была плодородна и хорошо возделана, а пять или шесть больших деревень возле холмов служили доказательством того, что недостатка в населении там нет. В этот день мы завтракали в небольшой долине у прозрачного ручья, потревожив, к моему сожалению, двух курдских дам, пришедших туда стирать бельё, причём они, по-видимому, производили эту работу старинным шотландским способом, обнажив ноги на довольно значительную высоту. Они были самыми дикими птичками из всех, каких я когда-либо видел, и, казалось, немало забавлялись зрелищем, которое доставляли им

мы, а вернее сказать, я. Они пришли из нескольких чёрных палаток наверху, и, когда мы спросили, нельзя ли получить молока или сливок, ответили: «Молока в это время дня нет, зато сливки найдутся лучшие на свете». Тогда один из моих людей вскочил на лошадь и отправился за этими восхитительными сливками, но лишь подвергся насмешкам за свои труды, ибо оказалось, что девушки развлекались за наш счёт, поскольку в палатках не нашлось ничего столь напоминающего цивилизованную жизнь, как сливки. Так что чай я выпил без них, предоставив слуге изливать брань на курдских красавиц, вернее смуглянок, за сыгранную с ним шутку, которая лишь заставляла их хохотать ещё сильнее.

К закату этого дня, заметив, что после перехода в тридцать шесть миль или более наши лошади начали унывать, словно им было всё равно, как скоро они достигнут места отдыха, мы спешили у жалкой деревни, первой попавшейся на нашем пути при выходе на Урмийскую равнину, под названием Керимабад, то есть «обитель милосердия» или «доброты». Очень немного того и другого мы там нашли, ибо нам не смогли или не пожелали предоставить ни единого места для размещения нас самих и животных; однако, немного посоветовавшись, мы решили, что лучше остаться там, где мы были и где, по нашим сведениям, можно было достать корм для животных, нежели ехать дальше и, возможно, не найти даже этого. Поэтому мы привязали наших животных за деревней, собрали багаж в одну кучу, выставили караул и после весьма скромного ужина я улёгся на сухом дёрне под своим лахафом и довольно хорошо спал почти до часа утренней погрузки.

Ещё до восхода солнца мы направились к городу Урмии, и нигде, по крайней мере на Востоке, не припомню, чтобы мне доводилось ехать по более богатой стране. Вокруг нас, куда бы мы ни бросили взгляд, простирались разнообразные возделанные земли — хлопчатник, рис, просо, клещевина, виноградники, плодовые сады и обширные поля, с которых уже собрали тяжёлый урожай пшеницы и ячменя; они были красиво разделены и кое-где окаймлены рощицами или рядами деревьев, ив, тополей, синджида, то есть джиды, и других. Повсюду теснились многочисленные большие деревни, каждая окружённая собственными садами, а состояние тех, через которые мы проезжали, служило убедительным свидетельством богатства и удобств жизни их обитателей. Так мы ехали по совершенно богатой и возделанной стране не менее двадцати миль, вплоть до самых стен города, скрытых за деревьями и садами.

В этот день я заметил два усовершенствования земледельческих орудий, которых нигде больше не видел. Одним был плуг для взрыхления глубокой почвы, гораздо более действенный, чем обычное жалкое приспособление. Его тянули восемь буйволов и быков, причём упряжь была прикреплена к оси с колёсами разного размера на концах: одно, около двадцати дюймов или двух футов в диаметре, предназначалось для движения по последней проведённой борозде, другое, не более половины такого размера, катилось по ещё не вспаханной земле, благодаря чему ось посредством этого устройства оставалась горизонтальной. Другое усовершенствование состояло в использовании двухколёсной телеги, также запряжённой буйволами, — правда, тяжёлой и неуклюжей машины со сплошными колёсами, подобными колёсам старых шотландских горских повозок, которые со скрипом и тряской катились на своих крайне неровных окружностях, но всё же достаточно действенного средства для перевозки соломы и подобных ей лёгких, объёмистых предметов. Весьма примечательно, что эти телеги, или арбы, как их называют, употребляемые в Турции, Армении и Грузии и даже, кажется, в Хое, до сих пор не были приняты ни в Тебризе, ни в Тегеране, ни в более восточных и южных областях Персии: движение усовершенствований здесь поистине чрезвычайно медленно.

Въехав в город, я направился прямо к дому беглербеги, или губернатора, Наджаф-Кули-хана, афшарского вельможи очень высокого положения, поскольку шах женился на сестре его отца, так что некоторые из принцев приходятся ему двоюродными братьями. Я заранее послал этому господину рекомендательные письма с просьбой предоставить мне помещение, но по ошибке или из особенного внимания меня тотчас провели в его присутствие. И у ворот хан-

ского жилища, и во дворах, через которые меня вели, и в его присутствии я наблюдал столько подлинной пышности и соблюдения церемоний, даже больше, чем при дворах многих принцев второго ранга, что почтительность и церемониал, царившие здесь, совсем не казались натянутыми или устроенными ради случая: передо мной был настоящий феодальный господин, окружённый своими вассалами. Он принял меня с добротой и приветливостью, но не встал ни при моём входе, ни при выходе. В самом деле, он очевидным образом держался почти как принц, ибо присутствовало несколько ханов, которые вовсе не садились, и вся обстановка была чрезвычайно внушительна.

Сам хан носил плащ из шали, который вы признали бы великолепным нарядом и который, должно быть, стоил более ста фунтов стерлингов; за поясом у него был роскошный кинжал с агатовой рукоятью в золотой оправе и прекрасным изумрудом наверху эфеса. Просидев довольно долго, я узнал, что мои комнаты готовы, и последовал за слугой великого человека в помещение, бывшее некогда великолепным диванхане. Оно составляет часть весьма обширного дворца, построенного его отцом или дедом, который, как я полагаю, в своё время предьявлял идава-и-салтанат, то есть притязания на корону, и это несомненно было поистине царственное жилище. Подобно всем прочим в этой изменчивой стране, где постоянно сталкиваются противоположные интересы и где великий сегодня завтра становится ниже самого ничтожного, дворец сильно обветшал, но несколько рядов покоев всё ещё находятся в совершенном порядке и отличаются замечательной красотой. Комната, в которой я теперь сижу, имеет тридцать футов в длину, пятнадцать в ширину и около двадцати в высоту и красиво перекрыта сводом. В стенах устроены весьма изящные ниши, арочные и прямоугольные, а всё вокруг, стены и потолок, было окрашено в насыщенный белый цвет с отделкой синим, красным и золотом, за исключением полосы высотой около трёх футов от пола, имеющей лососевый оттенок и украшенной цветами более тёмных тонов, всё исполнено масляными красками; над арками расположены также очень красивые цветные украшения. Целый торец занимает великолепное окно с разноцветными стёклами, завершающееся готической аркой: как хотел бы я передать вам его рисунок! Оно неописуемо прекрасно и напоминает богатейшие узоры калейдоскопа. В противоположном конце находятся два меньших окна подобного устройства, между которыми устроен камин; пол выложен плитками, но, когда покои убирают должным образом, его сначала покрывают циновками, а поверх них богатыми коврами. Дворец содержит множество меньших комнат равной красоты, и, право, я мало что знаю подобного в Персии, кроме Исфахана, ибо, в отличие от нынешних зданий, он построен из прочного кирпича на растворе. Так что по крайней мере на этот раз я устроился хорошо.

19 октября. — Я остался очень доволен Урмией, которую теперь собираюсь покинуть. Беглербеги был со мной чрезвычайно добр, поэтому я считаю его превосходным человеком. Разумеется, для этого имелись некоторые причины, ибо помимо привезённых мною рекомендательных писем я сделал ему довольно красивый подарок. Но некоторые люди не считают нужным отвечать на подобное внимание хотя бы добрым обращением. Наджаф-Кули-хан — вельможа высокого ранга не только по занимаемому положению, но и по рождению. Он наследственный вождь косымлу-афшаров, главного тире, или подразделения, как он мне сообщает, племени, которое, вероятно, является самым многочисленным и широко расселённым во всей Персии. Надир-шах, как вам известно, был афшаром, но хан, по-видимому, придаёт этому весьма мало значения, ибо, по его словам, подразделение Надир-шаха состояло на службе у косымлу. Во всяком случае, его предки на протяжении восьми поколений занимали ту же должность, что и он сам, — беглербеги, или правителя города и округа Урмии.

Его дед Имам-Кули-хан был вождём столь могущественным и влиятельным, что, хотя ему исполнилось всего двадцать четыре года, в смутное время после смерти Надира и до утверждения на престоле Керим-хана он стал соперником других ханов и вождей в борьбе за корону. Но честолюбие обошлось им дорого, ибо большинство погибли, и среди них Имам-Кули-хан,

который, встретившись с правителем Хоя в сражении, потерпел поражение и бежал обратно в Урмию, где, прибыв сильно разгорячённым, потребовал вина и умер от вызванной им лихорадки. Наджаф-Кули-хан намекает, будто своим концом он был обязан яду, но, по-видимому, достаточных доказательств этому нет.

Поскольку сын его, Хусейн-Кули-хан, был тогда ещё ребёнком, брат покойного хана, Мохаммед-Кули-хан, либо захватил место брата, либо был на него назначен и оставался там при царствовании Ага-Мохаммед-хана; но после убийства этого монарха, когда Садык-хан Шеаки и Джафар-Кули-хан Хойский восстали против нынешнего шаха, упомянутый Мохаммед-Кули-хан примкнул к ним и разделил их поражение. Судьба несчастного Садык-хана хорошо известна: его заморили голодом, замурав в камере, поскольку шах, видите ли, поклялся, что не прольёт его крови, а клятвы следует соблюдать! С Мохаммед-Кули-ханом он обошёлся с меньшими церемониями, ибо, отправившись в Урмию, захватил его в плен, избивал, пытал огнём и лишением сна, пока тот не отдал своё имущество и богатства, а затем отправил его в Сари, в Мазендеран, где он умер либо был отравлен.

После этого шах поставил сына прежнего беглербеги на место его отца, и тот оставался верным слугой короны до самой смерти. Шах женился на его сестре, от которой имел Малек-Касим-мирзу и ещё нескольких сыновей. Когда эта дама умерла и его величество, по-видимому, сохранил самое милостивое расположение к семейству, он взял затем дочь хана, следовательно, племянницу своей прежней жены, от которой также имел более одного сына, так что нынешний хан, наследовавший отцу лет четырнадцать назад, имеет среди принцев как двоюродных братьев, так и тех, кто приходится ему одновременно двоюродными братьями и племянниками, — изрядная смесь родства. Таким образом, однако, беглербеги оказывается почти приравненным по положению и достоинству к шахзаде и поддерживает соответствующий блеск. Ему прислуживают почти с тем же церемониалом, и он имеет наубатхане, или музыкальный оркестр, который в определённые часы играет над его воротами и так далее. В общении он приветлив и учтив; по способностям, я полагаю, довольно средних дарований, а лицом представляет собой почти точное подобие нашего друга и соседа —, с добавлением бороды и усов; и теперь, осмелюсь предположить, вы уже достаточно наслушались о моём друге хане.

О самом городе и его окрестностях я должен сказать несколько слов. Он производит впечатление большего достатка и прочности, чем любой другой из городов Персии, какие я помню. Сады, подступающие к самым стенам, соединяют свою листву с листвою многочисленных деревьев внутри них, придавая городу богатый и зелёный облик, ибо при каждом значительном доме имеется сад, над оградами которого возвышаются ряды чинар и тополей. Улицы здесь шире, чем в большинстве других городов, и посередине их обычно течёт ручей, так что каждый дом может по желанию пользоваться этим жизненно необходимым благом. Развалин почти не видно, ибо там, где они существуют, их обычно скрывают стены, окружающие каждое владение, словно крепость. Этот способ превращать каждый дом, то есть жилища знатных людей, в своеобразное укрепление примечателен и весьма характерен для прежнего устройства общества Урмии. Лежащий на границе Курдистана, посреди спорной земли, посещаемой свирепыми племенами и родами этой дикой страны, чаще всего находящимися в кровной вражде друг с другом, город делал необходимым для каждого вождя иметь по крайней мере убежище на случай нападения врагов. Когда здесь, словно на общей нейтральной земле, встречались мукри и хакьяри, афшары и зерзавы, каким образом без таких средств защиты можно было предотвратить кровопролитие и убийство там, где полиция слаба или враждующие стороны стоят вне пределов её власти? Это напоминало рассказы о нашей собственной шотландской столице в прежние дни:

*«Когда на улицах высокого Эдинбурга
Сверкали клинки и краснели копы,
И раздавался смертельный клич горцев!»*

И потому, полагаю, улицы Урмии нередко становились местом кровавых стычек и курдское копьё не раз и не два скрещивалось здесь с афшарской саблей.

Урмия, хотя и древний город, известный как таковой ещё во времена римлян, не может похвастаться видимыми древностями. Старинная башня и мечеть арабской архитектуры, возведённые около шести или семи сотен лет назад, едва ли могут притязать на особенное внимание. Армянская церковь, если верить словам её нынешней общины, имеет больше оснований быть замеченной, поскольку, как говорят, она была основана первыми христианами этой страны. Но это притязание опирается лишь на предание, ибо само здание, каковы бы ни были его первоначальный вид или размеры, ныне снаружи более всего напоминает глинобитную хижину. Главная его часть действительно находится под землёй, и мы вошли туда через низкую дверь, едва достаточную для прохода человека в узкий коридор за ней, который привёл нас, согнувшись, в тёмную дыру, очертания которой, даже когда глаза привыкли к мраку, трудно было разобрать из-за множества странных занавесей, скорее загромождавших, нежели украшавших стены, — приношений благочестия, суеверия или тщеславия посетителей; подозрительного вида одежды, вроде женских сорочек и мужских штанов, свисали с потолка и карнизов, подобно истлевшим знамёнам в зале или часовне старинного замка, однако совершенно без их достоинства. По одну сторону того, что могло быть алтарём, лежала чёрная шапка священника, по другую — потрёпанный экземпляр армянской Библии. Дальше находилась комната, куда никому, кроме священника, входить не позволялось и где, по словам женщины, показывавшей церковь, лежал камень с какой-то армянской надписью. Священника найти не удалось, поэтому я не стал пытаться проникнуть в святилище, ибо без его помощи мне не удалось бы ничего разобрать, даже если бы удалось войти; впрочем, я сомневаюсь, что и с его помощью многого можно было бы добиться, поскольку эти халифы, или священники, весьма невежественны.

Поскольку Урмия граничит с Арменией, среди её населения много армян, а так как Ассирия, которую можно считать соседствующей с другой стороны, составляет главную область обитания христиан-несториан, или сирийских христиан, обычно именуемых насрани, то вся страна представляет огромный интерес для исследования не только древностей, но и многого, относящегося к истории Сирийской церкви; ибо почти несомненно, что в грубых хранилищах несторианских и сирийских монастырей среди этих диких гор, сумей мы только до них добраться, найдётся множество древних и, вероятно, ценных рукописей на сирийском и халдейском языках, связанных с ранними временами нашей религии, а также множество памятников и надписей на камне, которые, будучи прочитаны, могли бы привести к весьма интересным историческим, если не богословским открытиям. Несчастье в том, что вся эта страна находится в руках варваров, столь грубых и подозрительных, что любые поиски подобных литературных сокровищ становятся почти неосуществимыми, ибо всякий раз, когда спрашивают о них, жители повсеместно полагают, что цель состоит не в обнаружении литературных или религиозных богатств, но скрытых кладов золота и серебра — единственных сокровищ, которые они признают ценными; в самом деле, невозможно убедить их, что рукописи или надписи могут цениться ради чего-нибудь иного, кроме возможности с их помощью находить подобные клады.

Не более чем в трёх тяжёлых, но коротких днях пути к западу от Урмии, среди высоких и почти неприступных гор Джевар, живёт население этих христиан-несториан, обитающее здесь уже многие века и считающееся потомками некоторых христиан Месопотамии, бежавших в этот труднодоступный край от преследований Иовиана. Их насчитывается более четырнадцати тысяч семейств, образующих своеобразное собственное содружество, отделённое от остального мира, которое не признаёт ни повиновения, ни дани никакой внешней власти и, хотя, по словам некоторых, выражает номинальную преданность главе курдов Хакьяри, живущему в Джуламерике, в действительности подчиняется только собственному вождю или вождям.

Главный из этих вождей, являющихся патриархами или епископами и именуемых ими халифами, обычно проживает в монастыре Коджаннес и окружает себя большой пышностью. Он обладает полной властью над подданными как в духовных, так и в мирских делах. В каждой деревне также имеется свой халифа, или священник, исполняющий и обязанности судьи, причём ходили смутные слухи о прелатах промежуточных степеней, живущих в других местах, и некоторые мои осведомители утверждали, что страна населена не одними несторианами, но отчасти и курдами и мусульманами, подразумевая шиитов, или персов.

Эти люди, по рассказам, живут в большом достатке, богаты, и страна их изобилует всевозможными произведениями растительного и минерального происхождения, обладая рудниками свинца, сурьмы, мышьяка и других металлов. Они особенно ревниво берегут свободу и весьма способны защищать её, ибо отличаются большой храбростью и решительностью, имеют двенадцать тысяч превосходных туфангчи, или стрелков с ружьями, и чрезвычайно удобную для обороны страну, представляющую собой скопление высоких гор, прорезанных глубокими оврагами и страшными ущельями, по дну которых несутся быстрые потоки. Через эти пропасти перекинута по одному дереву, которое по желанию можно убрать или опустить с любого конца, совершенно преграждая таким образом выход или вход. Я отчасти описал эту страну в моём «Путешествии по берегам Каспийского моря» и сделал её местом действия повести «Мурад и Элизабет», которую вы, возможно, помните. Судите же, каким интересным местом должен быть этот край для исследований любителя древностей, и особенно богослова, и судите, как неохотно я отвернул свои стопы от этой интересной, но опасной, почти недоступной страны.

Непосредственные соседи этих несториан, а именно курды Хаккяри, нисколько не менее опасны для честного исследователя. Их страна, подобно стране несториан, представляет собой скопление суровых оврагов, покрытых зарослями, но кое-где перемежаемых плодородными равнинами, щедро вознаграждающими труд земледельца и дающими пастбища многочисленным стадам. Подобно несторианам, они подозревают и не любят всех чужеземцев, которых считают шпионами и незванными пришельцами. Они повинуются только своим собственным вождям, зато не столь разборчивы в занятиях грабежом и разбоем, ибо без различия обирают всех, кого поймают. Даже другие курдские племена, если они недостаточно могущественны, чтобы их нельзя было тронуть, не всегда находятся в безопасности. Это та страна, которую, как говорят, никогда и никому не удавалось покорить, и, конечно, окружающие державы не выглядят способными выполнить эту задачу, хотя, насколько мне известно, эмир-и-низам действительно проник с войском до Джуламерика, укрепленного места в горах, где живёт их вождь Нур-Аллах-хан; тот же вождь согласился принять халат, или почётное одеяние, от нынешнего наследника престола и повиноваться его приказам, как курды обыкновенно повинуются.

То, что они столь же вероломны, сколь негостеприимны, роковым образом доказало их обращение с несчастным путешественником Шульцем, немецким учёным, отправленным в эту страну, кажется, Французским институтом для изучения её литературных чудес. Он провёл весьма интересные исследования в окрестностях озера Ван и на месте древней Артемиды и собрал множество материалов, относящихся к одному из важнейших нерешённых вопросов востоковедения — прочтению стрелообразных знаков, встречающихся на древних памятниках этих стран, а также Вавилона, Персеполя и прочих мест*. Ему даже удалось благополучно пройти столь далеко по стране христиан-несториан, где его с видимым гостеприимством принимал их халифа Мар-Шимун, и получить от него несколько рукописей и бумаг, с которыми он направлялся в Тебриз в сопровождении охраны из людей Джуламерикского хана, также, по рассказам, принявшего его с таким же внешним гостеприимством, как вдруг неподалёку от границы они заманили его в узкое ущелье под предлогом показать какие-то древние развалины. Дорога представляла собой лишь овечью тропу, и его, к несчастью, убедили оставить караван, или отряд, с которым он, по-видимому, путешествовал, чтобы осмотреть это место; однако не успел он далеко отойти, как один из тех самых стражников застрелил его и убил

одного или двух его слуг. Другому слуге, однако, удалось бежать на хорошей лошади, пока убийцы убирали тела с дороги, и, добравшись до Тебриза, он рассказал историю, а это всё, что известно о смерти бедного Шульца.

* Для всех, кому интересен этот любопытнейший предмет, должно быть отраднo, что благодаря трудам и уму майора Роулинсона из службы Почтенной Ост-Индской компании эта задача в значительной степени решена: он уже прочёл несколько надписей, выполненных стрелообразным письмом.

Эта страна действительно кишит дикими племенами, единственное сдерживающее обстоятельство для которых — их сравнительная слабость. Бильбасы, некогда многочисленное и могущественное племя, ныне сильно ослабленное, обитают на холмах и равнинах Балика и Лахиджана, не очень далеко отсюда, и время от времени развлекают соседние области Сулдуз, Сердешт и даже Сауджбулаг чапаулом, или набегом, подобно тому как шотландские горцы некогда спускались со своих высот в низины Морья, «где каждый джентльмен имел право развлекаться», согласно их вере. Есть ещё раваны, харки, ноучаи и, осмелюсь предположить, пятьдесят других племён, у всех из которых имеется желание, а у некоторых и сила таким способом «развлекаться». К счастью, на западе возникла власть, которая, хотя и самого грубого рода, по крайней мере принесла пользу тем, что уладила некоторых из этих свирепых разбойников и привела их к полезному и необходимому, хотя и тираническому повиновению, благодаря чему часть страны стала проходимою и безопасною при определённых условиях.

Мехмет-паша, ныне более известный как «мир Ревандуза», всего несколько лет назад, подобно большинству прочих курдских вождей, был повелителем небольшого округа и предводителем воинов собственного племени, не имевшего другого названия, кроме Ревандуз. Он начал своё поприще с того, что отстранил собственного отца как неспособного руководить делами племени в тревожные времена. Некоторые говорят, что старик, отличавшийся мирным и благочестивым нравом, сделался суфием, или святым, отрёкся от мира и его суеты и поставил сына на своё место; ради чести мира мне хотелось бы, чтобы такая версия оказалась истинною, однако это по меньшей мере сомнительно. Подобным же образом он избавился от нескольких братьев, опасаясь, не только самовластным путём, и наконец прочно утвердил своё единоличное господство в родном округе Ревандуз. Затем он принялся укреплять власть и собирать сторонников, готовясь к будущей борьбе. Но начало его подлинного возвышения относится ко времени войны Персии с Россией, когда наследный принц, уже сделавший некоторые приготовления для сокрушения мира, вынужден был отвести войска, чтобы сосредоточить их против более грозных противников. Мир воспользовался случаем и не только возвратил все земли, которых его лишил принц, но с таким успехом распространил свои завоевания к западу и северу, что ныне владеет значительной частью Верхней Месопотамии, не считая округов к востоку от Тигра, простирающихся от Эрбиля, или Арбелы, до Киркука включительно.

Утверждают, что под его началом пятьдесят тысяч человек, из которых большая половина получает правильное жалованье и постоянно занята работами, поскольку он и теперь деятельно покоряет соседние округа, неспособные ему сопротивляться, и таким образом быстро увеличивает свои владения. Но самая необыкновенная сторона всей этой истории состоит в великой нравственной перемене, которую он произвёл в покорённых областях, ибо там, где прежде обитал народ, вернее народы разбойников, неспособных увидеть проезжающего путешественника, не попытавшись задержать и ограбить его, и готовых, по их собственным словам, перерезать человеку горло ради яйца в его руке, теперь в стране нет ни вора, ни воровства. Всё ремесло и обычай грабежа пресечены кратким порядком: всякий, кого поймают с чужим добром, наказывается на месте или безжалостно предаётся смерти. За первое преступление, смотря по обстоятельствам, наказанием бывает лишение глаза, руки или иногда носа; за второе назначают иное, более тяжёлое увечье; третье же преступление неизменно карается смертью.

Это не просто *brutum fulmen*, грозный, но недействующий закон, суровость которого при- сяжные могут по своему желанию смягчить или свести на нет, притупив его чрезмерную жестокость; это закон, острота которого продиктована обстоятельствами и состоянием общества, которое он призван удерживать, закон разбойничьего вождя, вынужденного обуздывать своих свирепых бандитов и бесстрашно, не щадя никого, приводимого в исполнение; люди знают, что на его приговор нет жалобы, а в его правосудии нет милосердия, и потому трепещут и повинуются, ибо всё менее кровавое и непреклонное при существующих обстоятельствах оказалось бы бесполезным; и он доказал такую действенность, что, как меня уверяют, если бы кто-нибудь во владениях, где власть мира прочно установлена, увидел на дороге кошель с золотом, он не посмел бы его тронуть, но сообщил бы об этом старшине ближайшей деревни, который обязан был бы послать за кошельком, сохранить его до законного требования и одновременно донести о случившемся самому миру.

О нём рассказывают, что, узнав, будто один из его братьев, к тому же довольно любимый, проезжая мимо сада бедняка, протянул руку и сорвал гранат, не спросив позволения у владельца, он велел привести брата и предъявил ему обвинение, которое тот не отрицал. «Которую руку ты протянул, чтобы это сделать?» Молодой человек показал её. «А каким пальцем сорвал плод?» «Вот этим», — последовал ответ. «Так немедленно отрубите этот палец», — сказал мир, и приговор был приведён в исполнение тут же. Ходит и другая история, напоминающая похожую, рассказываемую о Надир-шахе, с которым мир, по-видимому, имеет немало общего в свирепой неумолимости характера. Возле большой дороги, неподалёку от нескольких деревень, нашли тело человека, изувеченное волками и шакалами. Известие дошло до мира, который велел провести все обычные расследования, но убийц обнаружить не удалось. Допрашиваемые сельчане свалили вину на волков из соседних зарослей, уже пожравших значительную часть тела. «Тогда приведите мне этих волков», — последовал приказ в ответ на такое оправдание, и вся деревня, зная, что последует в случае неудачи, засуетилась, ловя волков. Некоторых поймали и привели к великому человеку, который подверг их одного за другим медленной смерти среди страшных пыток, вид которых, как утверждают, так напугал деревенских жителей, что они приложили все усилия, чтобы обнаружить и выдать настоящих убийц правосудию, спасая себя от ужасной участи, которую судьба несчастных волков, по-видимому, предвещала и им. Рассказ не слишком правдоподобен, но показывает, как люди представляют себе действия этого вождя.

Чтобы помочь описанию вождя, которому, кажется, суждено оказывать важное влияние на обширную часть этой чрезвычайно интересной страны, я склонен воспользоваться некоторыми выдержками из журнала доктора Росса, врача при британском резиденте в Багдаде, которому выпала необыкновенная удача совершить путешествие по этой опасной стране по приглашению самого мира. Оказывается, что мир Мустафа, отец вождя, слеп и что в надежде вернуть ему зрение он обратился к полковнику Тейлору с просьбой прислать английского врача, который испытал бы своё искусство. Полковник Тейлор с готовностью воспользовался случаем установить отношения с этим необыкновенным человеком, и доктор Росс, получив это интересное поручение, отправился в страну мира под охраной его дяди Баязид-бека, посланного с этой миссией в Багдад к британскому резиденту.

Но сначала необходимо сообщить вам, что сверх всех завоеваний в Месопотамии и низменных частях Ассирии мир в то время обратил своё оружие против обширной и плодородной, хотя и гористой и труднодоступной страны Амадии, лежащей к северо-западу от Ревандуза и к северу от Мосула. Об этой области, вернее пашалыке, ибо её вождь был пашой, все говорят с величайшими похвалами за плодородие, красоту и многочисленность населения. Несколько людей весьма достойных доверия единодушно утверждали мне, будто там находится двенадцать тысяч деревень, притом не крошечных селений, а состоящих каждая из двухсот или трёхсот семейств, или домов. Такое утверждение должно быть необычайно далеко от истины,

ибо, если положить в каждой деревне всего сто пятьдесят домов и в каждом доме по пять человек, общая численность составила бы девять миллионов, то есть намного превзошла бы население всей Персии; следовательно, эти слова следует понимать лишь в том смысле, что Амадия очень густо населена.

Ею правил паша, потомок курдского рода, получавший утверждение в должности от Порты, но дурное управление, ревность и семейные распри привели к его падению. Страна распалась на множество мелких владений, главы которых совершенно не считались с правящим пашой, человеком слабым и глупым, утратившим всякую власть и запершимся в собственном замке Амадии, уверенный в его мнимой неприступности, пока мир опустошал страну и одного за другим подчинял всех этих мелких самозванных вождей. Наконец он осадил саму Амадию и, воспользовавшись семейными раздорами и изменой, подкупом проложил себе дорогу внутрь этой важной крепости, откуда с ещё большей энергией направил усилия на покорение остальных укреплений края. Однако ко времени путешествия доктора Росса Амадия ещё не пала, и мир осаждал Акру, или Аккра, чрезвычайно сильную крепость на Забе, приблизительно в четырнадцать часов пути к северу и северо-северо-западу от Эрбиля.

Это было примерно в середине мая 1833 года, когда доктор Росс выехал из Багдада, и среди первых его замечаний было большое различие, наблюдаемое в отношении обработки земли и населения между турецкими и курдскими владениями. В первых все деревни были покинуты: жители бежали, спасаясь от правительственных податей. Каждый оставшийся жаловался во весь голос на Али-пашу Багдадского, и стоило только появиться человеку, принадлежащему к правительству, как все бросались прятаться. Напротив, едва отряд достиг Алтун-Кёпрю, как все жители сбежались навстречу Баязид-беку с цветами на головах, словно в праздник, протискивались вперёд, чтобы поцеловать ему руку, кричали и приветствовали его, когда он проезжал мимо.

От Алтун-Кёпрю до Эрбиля равнина была покрыта цветами среди богатейшей зелени, и страна была весьма густо населена. Приём, оказанный Баязид-беку в последнем городе, доктор Росс описывает как в высшей степени живописное и прекрасное зрелище благодаря и богатству одежд, и сердечному воодушевлению, оживлявшему всю картину.

19 мая доктор Росс покинул Эрбиль и направился к Ревандузу, возле которого жил старый Мустафа-бек, составлявший цель врачебной части его путешествия, и, проехав горную, но весьма плодородную страну, покрытую во многих местах низкими дубами и диким миндалём, и преодолев несколько крутых перевалов, они достигли Думдума, жилища старика, откуда могли видеть долину и крепость Ревандуза, причём последняя находилась не более чем в часе верховой езды. Думдум представляет собой небольшой форт на обрывистом скальном выступе высотой сто футов, отделённый поперечной стеной через перешеек и господствующий над маленьким городком из сотни бедных домов среди настоящих зарослей садов, полных всевозможных плодовых деревьев. Отсюда город Ревандуз казался состоящим приблизительно из двух тысяч бедных домов с каким-то укреплением, стоявшим в котловине между горами на южном берегу Большого Заба, через который был переброшен мост из брёвен, опирающихся на два каменных устоя и покрытых ветками и землёй. Река была узкой, стремительной, бурной и глубокой, но в восьми часах пути ниже по течению по ней могли проходить келлеки, или плоты на надутых шкурах. Доктору не позволили посетить Ревандуз и много разъезжать по стране, но среди прочих интересных предметов, о которых он слышал, упоминается один особенно: мраморная колонна, стоящая на четырёхугольном основании, общая высота которой равняется приблизительно трём копыям, или тридцати — тридцати пяти футам, и вся она покрыта надписями*. Несколько европейцев в разные времена выражали желание осмотреть её, но разрешение им неизменно отказывались дать. Говорили, что она находится в двух днях пути от Думдума, и предполагали, что это столп, воздвигнутый Семирамидой.

* Далее окажется, что я также слышал об этой колонне.

О Думдуме и его жителях доктор Росс отзывается без особенной похвалы. О последних он говорит: «Кажется, эти люди мало знают о хороших вещах этого мира. Знатные особы одеты самым жалким образом, а их дома — просто свинарники. Это угрюмые дикари, которые не дадут даже глотка молока без ворчания, а всё сверх того приходится почти силой вырывать из них. Когда я давал им лекарства, они роптали, что я не снабжаю их пузырьками для них». Одежда самых состоятельных людей здесь такая же, как у багдадцев. Бедняки носят короткую куртку, широкие штаны из камлота и войлочный безрукавный камзол, хлопчатобумажные башмаки и шерстяные чулки, а на голове особенную курдскую чалму. Женщины носят синюю рубашку с широкими штанами, завязанными у шиколоток, и четырёхугольный плащ, скреплённый двумя углами и свисающий за спиной. На голове у них круглая серебряная пластина, от которой вокруг головы и шеи свешиваются крупные подвески, к каждой из которых прикреплена монета, либо всё украшение состоит из серебряных монет. Способ приветствия любопытен: каждый берёт другого за правое запястье и целует предплечье. Каждый вечер шесть или восемь сельчан обедали «ниже солонки» в доме мира, равно как и несколько старых воинов, друзей его юности. Доктор заметил, что воспаление глаз здесь встречается часто.

Его пациент, старый мир Мустафа, оказался безнадежно слепым. Причиной, по его собственным словам, стало воспаление глаз, вызванное тем, что однажды, сильно разгорячившись при подъёме на гору, он нашёл на вершине снег и положил его себе на голову. По слухам, его будто бы ослепили по приказу сына милем, или раскалённым железным стержнем, либо горячей железной чашей, но доктор Росс уверенно объявляет этот рассказ ложным. Причина же его отречения в пользу сына менее достоверна. Некоторые утверждают, что отстранение было принудительным, другие — что он добровольно передал власть сыну, убедившись, что тот способен стать более великим человеком, чем он сам.

У мира, или, вернее, паши Мохаммеда, живы четыре брата. Двое из них, Тимур-хан и Сулейман-бек, содержатся в оковах в крепости в пяти часах пути от Ревандуза. Другой, Ахмед-бек, был правителем Эрбиля, а четвёртый, Расул-бек, находился при войске. У мира три жены, но нет детей и, поскольку ему сорок пять лет, едва ли они будут, и в таком случае его наследником считают Расул-бека.

Доктора, по-видимому, в Думдуме принимали довольно скверно, и оттуда он возвратился в Эрбиль ожидать приказаний мира. По дороге он видел, как жители деревни приносили своих детей к очень старой женщине, случайно проходившей мимо, которая выдыхала или бормотала над ними молитву и давала им кусочки старых лоскутков и монеты, также ею благословлённые, которые прикрепляли к шапочкам малышей как обереги от зла. Доктор нашёл, что курды, подобно всем горцам, весьма суеверны: «У каждого холма и каждого оврага есть собственный дух, а возле Ревандуза находится пещера, полная таких духов». Оттуда в 1831 году слышали грохот пушек, доносившийся со стороны города, и вскоре за ним последовала чума. Грохот продолжался месяц или два, после чего и он, и болезнь внезапно прекратились одновременно. Многие весьма уважаемые люди утверждали, что это правда.

Внимание, которое доктор Росс встречал как по дороге в Эрбиль, так и некоторое время после прибытия туда, было далеко не такого свойства, чтобы внушить ему благоприятное мнение о курдском гостеприимстве. Выясняется, что с той минуты, как его первый мехмандар, Баязид-бек, снял с себя заботу о нём в Думдуме, в отношении к доктору произошла заметная и весьма неблагоприятная перемена, поскольку некому стало заставлять грубиянов вести себя прилично. «Довольно приятные люди, — говорит доктор Росс, — пока им не приходится трагиться, а тогда наружу выступает их угрюмый нрав: у них нет ни подлинного великодушия, ни гостеприимства, совсем не то, что у арабских племён, которые отдавали то, что имели, с доброй охотой и даже наперебой торопились предложить свои подарки»; и всё же, если бы они не переходили от стойбища к стойбищу как друзья шейха, те самые люди, которые так любезно с ними обращались, первыми ограбили бы их и обобрали догола.

В Эрбиле доктор Росс много наблюдал курдов и курдские нравы и весьма решительно говорит об их свирепом и буйном характере. «Стихия курда, — говорит он, — война. Его воспитывают для неё с колыбели, и он не бывает счастлив нигде, кроме стычек и сражений; я видел мальчиков двенадцати и пятнадцати лет, страдавших от самых тяжёлых ран, полученных в недавних боях. Насколько я понимаю, их сражения отличаются большим кровопролитием. Они начинают с ружей, но вскоре по-настоящему пускают в дело кинжалы. Никакого арабского хвастовства — одна суровая настоящая битва, и число убитых и раненых обычно бывает чрезвычайно велико. К багдадскому правительству и его войскам они питают самое полное презрение и говорят, что, если бы город представлял для них какую-нибудь пользу, турки не смогли бы воспрепятствовать им ни одного дня. Эрбиль и Кёprü им понадобились, и потому они их взяли, причём первый за один час. Они не зависят ни от какой страны, кроме собственной, в удовлетворении всех своих нужд. Всё необходимое производится у них дома, и, тогда как горы образуют неприступную защиту от чужеземных завоевателей, их суровые склоны и долины при малом усилии дают в изобилии всё, что только пожелают возделывать, и обеспечивают неистощимые запасы леса, воды и пастбищ».

Страна вокруг Эрбиля отдаётся пашой шейхам отдельными округами на манер феодальной системы. Арабы тайи, или таи, подчиняются паше и поставляют многочисленный отряд в его войско, стоявшее тогда у Акры. Пашу, по-видимому, весьма любили, или, вернее, боялись, возможно, вследствие строгости его правления. О краже и разбое почти никогда не слышно, и ни одну дверь не запирают на ночь; тем не менее смертная казнь применяется редко: за воровство отрубают руку, за дезертирство ступню, а за другие преступления достаточным считается лишение одного или обоих глаз. Иногда, впрочем, прибегают к суровому и поразительному примеру. Шейх арабского племени тайи, все члены которого слыли известными грабителями, будучи вытеснен за Тигр более сильным племенем джерба, нашёл убежище во владениях мира, где некоторое время жил мирно и спокойно, согласно правилам и установлениям этого вождя. Но, утомившись бездейтельностью, он не смог устоять перед соблазном, когда небольшой караван прошёл возле его лагеря, и ограбил его, присвоив содержавшиеся в нём товары. Однако прежде, чем наступил вечер второго дня, прежде чем он успел как следует подсчитать неправедную добычу, явились полдюжины курдов, подъехали к его шатру и без всяких церемоний или объяснений отрубили ему голову у входа, после чего столь же спокойно удалились.

Во время пребывания в Эрбиле, где его учтиво принимал Ахмед-бек, брат мира и правитель города, и где его посетил Султан-бек, вождь, прибывший из лагеря, доктор узнал, что войско состояло из пятнадцати — двадцати тысяч человек, которые бездействовали в лагере, поскольку Акра была взята некоторое время назад. Эта крепость, оказывается, расположена на вершине почти отвесной скалы, куда можно подняться лишь по единственной настолько узкой тропе, что двоим людям едва удаётся идти рядом. Местные жители полагали, что никакая земная сила не сможет её взять, да и сам паша не ожидал столь скорого падения, но случилось так, что во время разведки он лично подвергся нападению из засады и едва не попал в плен, и это настолько разъярило его людей, что на следующее утро он повёл их на крепость, которая действительно была взята за три часа при потере с его стороны всего ста пятидесяти человек. Курды Амадии были настолько поражены этим внезапным ударом, что предполагали, будто они сдадут свой город без дальнейшего сопротивления.

30 мая от пашы получили письмо с приказанием правителю оставить доктора Росса в Эрбиле до особого вызова и обращаться с ним с величайшим уважением; распоряжение это весьма заметно улучшило удобства его положения. 6 июня поступили сведения, что дела в Амадии улажены, прежний паша Сейид бежал, и вместо него поставлен Муса-паша; Селим-паша был назначен в Акру, и вся страна, подчинившись ревандузскому правительству, находилась в совершенном спокойствии. Однако лишь 3 июля, после многочисленных представлений и неоднократных задержек, вызванных ложными заверениями о скором прибытии пашы

в Эрбиль, от его высочества поступил приказ отправить доктора в лагерь. Этот человек, оказывается, окружает свои передвижения глубочайшей тайной: никто никогда не может угадать, когда и куда он отправится, и даже до самой посадки на лошадей нельзя знать, какое направление изберут войска.

Доктор Росс переправился через Заб на келлеке, или плоту из надутых шкур, покрытых хворостом, который, по его описанию, напоминал изображение колесницы Нептуна, и переправу совершили с помощью двух лошадей, которых сначала загнали в воду, а затем люди на плоту понуждали плыть к другому берегу, крепко держась за их хвосты. Отряд достиг Акры дорогой в четырнадцать часов, или пятьдесят шесть миль, к северу и северо-северо-западу, и доктор Росс полагает, что как Эрбиль, так и Акра лежат почти точно на север от Багдада.

Паша принял его хорошо, но тайком прислал просить извинения за то, что не встал ему навстречу: подобная честь, как он сознавал, причиталась слуге английского короля, но, будучи окружён недавно покорёнными людьми, он желал избежать этого проявления, означавшего бы признание равенства, которого ему, возможно, было бы неблагоразумно публично допускать. Доктор увидел в паше человека около сорока пяти лет, с доброжелательной, приятной наружностью, светлокожего, с отметинами оспы и слепого на один глаз, запавший и мутный. Его борода была около двенадцати дюймов длиной, светло-коричневого цвета, причём нижняя половина оставалась нерасчёсанной и совершенно свалывшейся, однако во всём остальном одет он был довольно опрятно. Он хромал на одну ногу от удара лошади и говорил слабым голосом. Он не раз вступал с доктором Россом в продолжительные разговоры, главным образом на общие темы: расспрашивал об устройстве образования в Англии, о религии Индии и Китая, причём последнюю страну считал столь же нашей, как и первую. Он также желал узнать, в каких мы отношениях с Персией и Россией. В другой раз он много расспрашивал об употреблении и действии лекарств, о состоянии пульса при болезнях, о чуме, холере и прочем, после чего переходил к более воинственным темам и говорил о ружьях и пистолетах, показывая старое английское дуствольное ружьё и винтовку, которые вместе с саблей, подозрительной трубой, зонтом, деревянной кроватью и несколькими коврами составляли большую часть обстановки его шатра. Рядом с его собственным шатром стоял большой двустолбовый, где он устраивал дурбар, или приём, перед полуднем и ночью. Он никогда не ложился раньше рассвета и спал до девяти или десяти утра. За четверть часа до последней молитвы начинал играть шумный оркестр, а в час молитвы производили пушечный выстрел.

Численность стоявшего в лагере войска, как понял доктор Росс, составляла лишь около десяти тысяч человек, меньше половины первоначальной армии, поскольку остальных отпустили домой на жатву. Сам лагерь не имел никаких притязаний на военный порядок: единственным правильным построением было кольцо маленьких шатров вокруг шатра пашы, где размещалась его собственная стража числом три тысячи человек. Они же служили ему прислугой. Пехота имела ружья и кинжалы, конница копы и кинжалы. Каждый вождь ашайера, или рода, имел своё племя, расположенное лагерем вокруг него отдельно от остальных, что портило вид стана, так что он раскинулся на пространстве, которое, по правилам европейского устройства лагерей, могло бы вместить пятьдесят тысяч человек; однако, невзирая на отсутствие всякой дисциплины или порядка, не было слышно ни звука, и каждый человек мог оказаться на одном месте в пять минут. Солдаты по собственному побуждению постоянно стреляли в цель, а каждый вечер от ста до двухсот воинов обедали в шатре пашы, поочерёдно приходя из разных племён. В лагере заметили множество пленников с тяжёлыми кандалами на шее и ногах. Доктор упоминает, что паша имеет обыкновение выкупать у захвативших любую добычу, взятую на войне, и обычно за цену вдвое больше той, какую дал бы любой другой покупатель.

8 июля доктор Росс покинул лагерь пашы и направился по дороге к Мосулу. На другом берегу Заба он обнаружил сотню арабов племени Бу-Сель-Он, уже сидевших на конях, чтобы сопровождать его через оставшуюся часть владений ревандузского вождя. Он возражал против

такого многочисленного сопровождения, но предводитель отряда сказал, что полученные им приказы точны и он не может сократить охрану ни на одного человека; и доктор пользуется случаем указать здесь различие между обычаями чиновников во владениях паши и на турецкой территории. Едва он вступил на последнюю, его оглушили требованиями бакшиша, то есть подарков, и, вытянув из него всё, что имелось при себе, настойчивые попрошайки последовали за ним к самому дому за новыми подачками. Во владениях Ревандуза это слово не было произнесено ни разу. Повсюду проводились сравнения между правлением Али-паши Багдадского и мира, крайне невыгодные для первого, против которого открыто произносились изменнические речи, тогда как мир Ревандуза столь же открыто превозносился.

На этом заканчиваются заметки доктора Росса. Рассказы большинства встреченных мною людей, более других способных дать сведения об этом предмете, в большей части подробностей совпадали с изложенным в этих заметках. Характер мира обнаруживается в его поступках. Он непомерно честолюбив и совершенно неразборчив в средствах достижения своих целей, осторожен и дальновиден, но ревнив и подозрителен до крайности, глубоко проникнут представлениями о строгом правосудии, однако следует его требованиям скорее ради дальнейшего возвышения, нежели ради них самих. Он не придаёт значения пролитию крови, но не склонен убивать из пустой прихоти или без причины, хотя никогда не щадит там, где имеется причина, сколь бы незначительной она ни была. Мне рассказывали, что одно курдское племя, энергично противостоявшее ему во время осады Амадии и продолжавшее сопротивление даже после падения города, навлекло на себя его оружие, и, покорив племя с немалым трудом, он приказал предать смерти всех попавших ему в руки, числом в несколько тысяч, в назидание другим.

Подозрительность мира распространяется лишь на чужестранцев, странствующих по его земле без видимого дела; купцам, погонщикам мулов и жителям соседних стран не нужны никакие пропуска, и они свободны приходить и уходить, но люди, прибывающие издалека, особенно из государств, когда-либо обнаруживавших враждебность, рискуют быть задержанными и заключёнными под стражу как шпионы. Я расспрашивал, что, вероятно, ожидало бы меня самого, если бы я вступил в его страну, не заручившись предварительно разрешением; все отвечали одинаково, что попытаться сделать это было бы верхом неблагоразумия, что он человек с бадфикром, то есть дурными мыслями, который может вообразить, будто я шпион, и дурно со мной обойтись, особенно потому, что я прибыл из Тебриза. Когда я настойчиво попросил объяснить, что понимают под дурным обращением, мне сказали, что меня, вероятно, заключат в каком-нибудь укреплении, пока не станет известна воля мира, а затем выдворят из страны таким путём, чтобы я увидел как можно меньше; что ради собственного доброго имени он, быть может, не позволит совершить надо мной насилия внутри его владений, но весьма вероятно, что при обратном переходе границы я попаду к разбойникам, — очень лёгкое средство в столь беспокойной стране.*

* Судьба этого примечательного человека сложилась не совсем так, как можно было предположить. Со временем его успехи и подвиги на турецких землях вызвали со стороны Порты мощное объединённое движение против него. Решид-паша, командовавший войском в Диарбекире и на стороне Курдистана, двинулся на него с одной стороны, тогда как Али-паша Багдадский и Мохаммед-паша Мосульский напали на его владения с юга и запада. Мир храбро оборонялся и, если бы собственные войска сохранили ему верность, посмеялся бы над объединёнными силами. Но в покорённых областях мир не пользовался любовью. Его строгость внушала больше страха, чем привязанности. Некоторые его офицеры оказались изменниками, и достоверно, что даже те, кто при обычных обстоятельствах стоял бы за него до последнего, были потрясены зрелищем санджака, то есть знамени, султана, развёрнутого против них. Остатки благоговения перед преемником Пророка и главой своей религии не позволяли курдам выступать с оружием против султанских войск. Мир почувствовал это и, потеряв одно за другим лучшие укрепления, около конца августа 1836 года действительно сдался в руки Али-

паши Багдадского. Его отправили в оковах в Константинополь, где некоторое время содержали под своего рода полупочётным надзором, но через несколько месяцев помиловали и назначили правителем собственной страны с обещанием хорошего поведения. Однако до неё он так и не добрался; почему и как, я не знаю: его умертвили по дороге, несомненно, по приказу его возвышенного господина и победителя.

Всё это представляло для меня предмет серьёзных раздумий. Характер этого необыкновенного вождя и быстрый рост его могущества за последние пять или шесть лет вместе с той важной нравственной переменой, которую это, вероятно, должно было произвести в данной части Азии, делали знакомство с ним и возможность лично судить, насколько справедливы рассказы о нём, не только любопытством, но и обязанностью. С этой целью я получил от посланника письмо и некоторые подарки, которые намеревался лично вручить миру как начало дружеских отношений, способных впоследствии оказаться полезными и удобными. Мой план состоял в том, чтобы, прибыв в Ушну, лежащую в двух днях пути отсюда и куда я намереваюсь отправиться, всего в шестидесяти милях от Ревандуза, послать письмо с объяснением характера моих полномочий и предложением, чтобы, если его высочеству угодно получить их из моих рук, он отправил мне проводника и охранную грамоту за собственной подписью; если же он не пожелает принять меня, то может поручить кому-нибудь принять подарки. Можете судить о моём разочаровании, когда здесь я узнал, что мир, вместо того чтобы, как я надеялся, находится в Ревандузе, пребывает за добрых десять дней пути, в Месопотамии, продолжая завоевания. Таким образом, если бы я написал ему, до получения ответа прошло бы не менее двадцати дней, а ещё двадцать потребовалось бы, чтобы посетить его и вернуться, — промедление, которое, поскольку моё время уже подходит к концу, совершенно невозможно допустить. С другой стороны, как бы ни хотелось мне предпринять столь интересное путешествие, имелись достаточные причины, удерживавшие меня от столь явной опасности для жизни или свободы, какой подвергся бы я, вступив в страну мира без его личного позволения. Поэтому ещё раз с крайним сожалением я принёс склонность в жертву долгу и решил, довольствуясь лучшими сведениями, какие смогу собрать об этом примечательном вожде в соседних землях, направиться в Багдад через Сулейманию. Даже этот путь проведёт меня по сравнительно малоизвестной дороге и позволит увидеть значительную часть Курдистана, хотя и ничто в сравнении с другим маршрутом. Но вы ещё не знаете всей меры моего самоотречения. Если бы я отправился через Ревандуз и, возможно, Амадию, я спустился бы к Мосулу и посетил место древней Ниневии и гробницу пророка Ионы. Но от этого мне также приходится отказаться, и надеюсь, дорогой —, вы отдадите должное некоторой осмотрительности и самообладанию, когда об этом услышите, ибо как легко я мог бы найти оправдание ещё месячной задержке; но нет, честь прежде всего, чувство долга и «тянущаяся цепь» Голдсмита удерживают меня на верном пути, невзирая на соблазны, и не позволяют продлить моё отсутствие ни на один день сверх того, чего требует необходимость.

ПИСЬМО IV

Отъезд из Урмии. — Курдский костюм и вооружение. — Дашт-и-Биль. — Подозрительные встречи. — Курдские горы. — Равнина Ушну. — Самад-хан и его дом. — Древность курдов и сравнение их с шотландскими горными кланами. — Положение страны. — Разочарование. — Ушну и убыль его населения. — Буйволы и их полезность. — Курды верхом. — Рыбная ловля. — Необычный способ ловли перепелов. — Отъезд из Ушну. — Кровная вражда. — Сейиды Суггерлина. — Переговоры об охранной грамоте. — Успех в рыбной ловле. — Курды за молитвой. — Карапахи и курды-билбасы. — Угрожающие признаки. — Дрофы. — Грубый отказ. — Возвращение в караван-сарай. — Гостеприимный курд. — Разочарование. — Рыболовные приключения.

Ушну, 21 октября 1834 года.

Если вы, дорогой —, станете искать место моего нынешнего пребывания на какой-нибудь карте, которая, вероятно, найдётся у вас под рукой, то будете искать напрасно. Но если это письмо застанет вас в Лондоне и вам удастся достать карту Азербайджана и прочих областей, составленную Монтейтом, то вы сможете найти его приблизительно в тридцати пяти милях к юго-юго-западу от Урмии и к западу от озера Шахи, то есть в самом сердце Курдистана.

Девятнадцатого числа я простился с Урмией и её чрезвычайно интересными окрестностями, а также с её добрым и учтивым правителем; однако за тот день мы прошли всего двенадцать миль и остановились в небольшой деревне, принадлежавшей хану, где нас по-прежнему принимали как его гостей. Нас поместили в большом глинобитном здании, служившем мечетью, и старейшины деревни хорошо позаботились о нашем угощении, насколько дело касалось пищи; однако более бессонной ночи я ещё никогда не проводил. Не знаю почему, но, проспав часа два, я проснулся, и мысли приняли такое направление, что уже не давали мне уснуть. Затем начался концерт собак, лаявших на луну, и продолжался он целых два часа. Потом за мечетью, прямо у моего изголовья, собрались деревенские работники, ведавшие орошением рисовых полей, и подняли такой стук и хохот, что могли бы разбудить семерых спящих отроков. К тому времени, как они ушли, уже пора было и нам думать об отъезде; но я всё же погрузился в ту разновидность дремоты, при которой сны бывают особенно живыми, и увидел сон — сон о родном доме. Я вернулся — видел вас всех и страстно желал соединиться с вами; но было какое-то препятствие — я не мог понять какое, — и там были... увещевавшие меня, а я всё стремился приблизиться к вам с таким сильным и живым чувством, что оно почти не отличалось от действительности, когда вошли мои люди объявить, что багаж уже грузят, и всё исчезло, оставив меня в холодной полутёмной мечети, откуда надо было подняться для холодной поездки, ибо с холмов по правую руку, всё ещё покрытых большими пятнами снега, яростно дул ветер.

В этот день путь наш шёл вверх по узкой, но возделанной долине, уводившей нас в самое сердце курдских гор, среди которых мы вскоре очутились, и поминутно нам встречались и нас обгоняли группы курдов свирепого вида, в красивых развевающихся одеждах и с длинными тонкими копьями. Костюм этих людей, за исключением немногих разновидностей турецкой одежды, несомненно, самый живописный из всех, какие мне доводилось видеть; в сущности, слово «живописный» подходит к нему ещё больше, чем к любому известному мне турецкому наряду. На голове они носят большую шаль из полосатого шёлка красного, белого и синего цветов, с бахромой на концах, изящнейшим образом обвитую вокруг красной шапочки. Её пышные складки стянуты какой-нибудь повязкой, а длинная бахрома ниспадает с причудливой, роскошной свободой; их подлинно сарацинские черты и блестящие чёрные глаза особенно ярко выделяются из-под этого головного убора. Одежда на туловище состоит из своего рода просторного жилета и халата с великолепными широкими турецкими рукавами, поверх которых надевают куртку, нередко богато расшитую и отороченную мехом сообразно положению владельца. Нижнюю часть тела облегают широкие шальвары, не слишком отличающиеся от мамлюкских, в которые при верховой езде они заправляют полы своих свободных одежд. Вместо шали вокруг талии у них пояс с огромными серебряными застёжками, которые по вкусу владельца бывают украшены драгоценными камнями и за которые они затыкают не только курдский кинжал, но и пару больших пистолетов с латунными либо серебряными набалдашниками. К поясу подвешиваются также пороховницы, сумки для дробы, патронташи и тому подобное, а поверх всего они набрасывают нечто вроде плаща, или абы, из верблюжьей шерсти — белой, чёрной либо полосатой, белой с коричневым и чёрным, — застёгнутого на груди и живописно развевающегося позади. Верхом они носят небольшой круглый щит, свисающий с левого плеча, а в руке держат длинное тонкое копьё. Если же стоит военное время и они отправляются в поход, то сверх этого вооружения берут ружьё, а иногда и три тонких дротика в футляре, которые умеют с большой точностью метать на расстояние тридцати ярдов. Тогда

они заковываются в доспехи, подобно рыцарям старых времён, — либо в кольчугу, похожую на те, что находятся в зале у —, со шлемом и наручами, либо в пластинчатый доспех, называемый *чар-айна*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.